

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра истории русской литературы

Кротова Евгения Дмитриевна

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЗИЦИЯ Ф. А. ЭМИНА

Выпускная квалификационная работа

магистра филологии

Научный руководитель: д. ф. н., проф. Бухаркин Пётр Евгеньевич

Рецензент: д. ф. н., проф. Варда Анна

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение.

История литературы знает множество примеров того, как прижизненная популярность автора сменялась его полным забвением буквально в первые десятилетия после смерти. Подобная судьба настигла, в частности, Ф. А. Эмина, чьё творчество имело большой успех у широкой публики в 60-е гг. XVIII в. Будучи автором первых оригинальных русских романов, Эмин, со свойственной ему плодовитостью, обращался также и к другим жанрам литературы. Его творческое наследие поистине велико: всего за 7 лет интенсивной работы (с 1763 по 1770 г.) Ф. А. Эмин успел написать 7 романов (3 из них – это переводы с итальянского, португальского и испанского языков), издать сборник «Нравоучительных басен», сделать перевод «Истории польской» П.-Ж. Солиньяка, выпустить три тома «Российской истории» и «Краткое описание <...> Оттоманской Порты». Также Эмин в течение 1769 года издавал ежемесячный сатирический журнал «Адская почта». Уже после смерти автора, 1780-м г. вышло его духовно-нравственное сочинение «Путь ко спасению», которое было впоследствии многократно переиздано.

Творчество столь плодовитого и популярного в своё время писателя, внёсшего значительный вклад в развитие русской литературы, безусловно, заслуживает пристального исследовательского внимания. Этим и обусловлен выбор темы для данной работы – «Литературная позиция Ф. А. Эмина».

Актуальность работы заключается в малоизученности данной темы. Ранее внимание исследователей привлекала, главным образом, загадочная биография Ф. А. Эмина¹, его издательская деятельность, участие в журнальной полемике² и вклад в развитие романного жанра на русской

---

¹ См., например: Аскоченский В. Эмин Фёдор Александрович // Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. Ч. 2. Киев, 1856. С. 212–16; Бешенковский Е. Б. Жизнь Фёдора Эмина // «XVIII век». Вып. 11. Л., 1976. С. 186–203.

² См., например: Афанасьев А. Н. Русские сатирические журналы 1769–1774 годов: Эпизод из истории русской литературы прошлого века. М., 1859. С. 17–19; Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769–1774 гг.: разыскания об издателях и их сотрудниках // Приложение к журналу «Русский библиофил». СПб., 1914; Западов А. В. Эмин // История русской литературы: В 10 т. Т. 4. Ч. 2. / под ред. Г. А. Гуковского и В. А. Десницкого. М.; Л., 1947. С. 256–265.

почве³. Между тем, Ф. А. Эмин был значительной фигурой в литературном процессе 60-х годов XVIII века: его произведения имели большой читательский успех, некоторые из них неоднократно переиздавались. Именно этот автор считается первым русским романистом⁴ и одним из первых в России профессиональных писателей, который зарабатывал на жизнь литературным творчеством (должности сначала учителя в Сухопутном шляхетском корпусе, а затем переводчика в Коллегии иностранных дел, по словам самого Эмина, не приносили ему достаточный доход).⁵ Кроме того, Ф. А. Эмин, имея определённые писательские установки, принимал активное участие в литературных спорах своего времени⁶ и работал в разных жанрах, внося немалый вклад в их развитие на русской почве. Помимо этого, в общих работах, историях литературы и справочных изданиях обычно можно найти краткую характеристику «Российской истории» Эмина⁷ как текста, полного неточностей и ссылок на несуществующие источники⁸. Таким образом, литературное наследие Эмина всегда рассматривалось по жанровому принципу. При этом контекстом для отдельных произведений Эмина становились сочинения его современников, предшественников или писателей более позднего времени, написанные в том же жанре. Романы Эмина

---

³ См., например: Сиповский В. В. Ф. Эмин, «Непостоянная Фортуна» // Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 1 (XVIII век). СПб., 1909. С. 649–670; Стенник Ю. В., Степанов В. П. Литературно-общественное движение конца 1760-х–1780-х годов // История русской литературы: В 4 т. Т. 1 / гл. ред. Н. И. Пруцков. Л., 1980. С. 575–597; Билинкис М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995.

⁴ Стенник Ю. В., Степанов В. П. Указ. соч. С. 575.

⁵ Пигарев К. В. Глава третья // История русской литературы: в 3 т. Т. 1 / гл. ред. Д. Д. Благой. М.; Л., 1958. С. 508.

⁶ Особенно показательны в данном случае многолетняя полемика с А. П. Сумароковым (См., например: Гуковский Г. А. Эмин и Сумароков // «XVIII век». Вып. 2. М.; Л., 1940. С. 77–94; Серман И. З. Из литературной борьбы 60-х гг. XVIII века (Неизданная комедия Фёдора Эмина «Учёная шайка») // «XVIII век». Вып. 3. М.; Л., 1958. С. 207–225) и участие Эмина в полемике между сатирическими журналами как издателя «Адской почты» (См., например, Афанасьев А. Н. Указ. соч.; Семенников В. П. Указ. соч.)

⁷ Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей. Т. 1–3. СПб., 1767–1769.

⁸ Исключением является статья Е. Б. Бешенковского «“История” Фёдора Эмина» (В сб. «История и историки: Историографический ежегодник 1972». М., 1973.) В ней впервые была сделана попытка серьёзно проанализировать названные Эминым источники и доказать их подлинность.

сравнивались с повестями петровского времени, романами П. Орлова⁹, М. Д. Чулкова¹⁰, Ж.-Ж. Руссо¹¹. «Адская почта» рассматривалась в сравнении с другими сатирическими журналами, издававшимися в то же время, а «Российская история» сопоставлялась с историческими сочинениями В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и Н. М. Карамзина¹².

Среди работ последних лет наибольший интерес представляют исследования Т. Е. Автухович, которая много писала и пишет об Эмине как об авторе массовой литературы. По мысли Автухович, Эмин уже в XVIII в. стал успешно использовать стратегии и приёмы, характерные для современной беллетристики. Занимаясь широким кругом проблем и выходя за рамки изучения беллетристики, исследовательница всё же акцентирует своё внимание именно на романах Эмина¹³. Это, безусловно, обогащает науку об Эмине, но не меняет общей традиции изучения этого автора. Между тем, сам факт того, что литературная деятельность Эмина укладывалась в короткий срок (7 лет с 1763 по 1769 г.), но была крайне разнообразна в жанровом отношении, вызывает потребность в изучении возможных смысловых, мотивных и композиционных переключек между произведениями этого автора. Потребность эта пока не нашла своего удовлетворения.

Нельзя сказать, что произведения Эмина никогда не сравнивались между собой. Неоднократно сопоставлялись романы «Непостоянная

---

⁹ Серман И. З. Становление и развитие романа в русской литературе середины XVIII века // Из истории русских литературных отношений XVIII–XIX веков. М.; Л., 1959. С. 84–95.

¹⁰ Западов А. В. Эмин // История русской литературы: в 10 т. Т. 4. Ч. 2. / под ред. Г. А. Гуковского и В. А. Десницкого. М.; Л., 1947. С. 256–265; Стенник Ю. В., Степанов В. П. «Литературно-общественное движение конца 1760-х – 1780-х годов // История русской литературы: в 4 т. Т. 1 / гл. ред. Н. И. Пруцков. Л., 1980. С. 597; Билинкис М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995; Лебедева О. Б. Жанровые модели романа-путешествия и романа-воспитания чувств в творчестве Ф. А. Эмина // Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII в. М., 2000. С. 216–220.

¹¹ См. сноску 10.

¹² См., например: Западов А. В. Указ. соч.; Шамрай Д. Д. Ф. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова // XVIII век. Вып. 3. М.; Л., 1958. С. 471–473.

¹³ Автухович Т. Е. Риторика. Жизнь. Литература: Исследования по истории русской литературы XVIII века. Минск, 2015. 411 с.

фортуна» (1763) и «Письма Эрнеста и Доравры» (1766)¹⁴ как первое и последнее произведение Эмина в этом жанре (и как наиболее популярные среди читателей). Однако внимание уделялось, в основном, стилю. Исследователи приходили к выводу, что в «Письмах», по сравнению с первым романом, гораздо больше психологизма и признаков сентиментализма¹⁵. Здесь мы вновь сталкиваемся с изучением текстов одного жанра, а не с анализом их сходств и различий, например, с точки зрения представлений автора о морали. Чаще всего романы Эмина («Непостоянная фортуна», «Приключения Фемистокла» и «Письма Эрнеста и Доравры») описывались по отдельности как образцы поджанров романа (авантюрный, философско-политический, роман в письмах). Более того, первые два романа интересовали исследователей в силу того, что в них есть значительный автобиографический элемент, а последний – как не вполне умелое, но всё же первое в России подражание «Юлии, или Новой Элоизе» Руссо.

Очевидно, что представление об Эмине как писателе в научной литературе не отличается целостностью. Он всегда либо романист, либо сатирик, либо историк, но не автор всех своих произведений одновременно. Мы же предлагаем рассматривать творчество Эмина как единое целое, учитывая пересечения между его произведениями разных жанров. Этим определяется новизна данной работы. Под литературной позицией в данном случае мы будем понимать комплекс авторских установок писателя, выраженных не только в виде его саморефлексии, но и в использовании им определённых форм и приёмов непосредственно в художественных произведениях.

Таким образом, цель работы заключается в изучении особенностей литературной позиции Ф. А. Эмина, его авторского сознания. Из этой цели вытекают следующие задачи: 1) рассмотреть вопрос о литературной

---

¹⁴ Например, М. Я. Билинкис в уже упоминаемой монографии рассматривает, как повлияли жанры мемуаров и писем на эти два романа Эмина и делает вывод о том, что черты обоих документальных жанров нужны были Эмину для легитимизации романа.

¹⁵ См., например: Лебедева О. Б. Указ. соч., Алпатова Т. А. Проблема трансформации индивидуальной биографии в художественное повествование (Роман Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирмонда») // «Вестник Московского областного университета». М., 2012. С. 83–90.

репутации Ф. А. Эмина; 2) проанализировать взаимосвязи между произведениями Эмина разных жанров.

В соответствии с обозначенными целями и задачами работа имеет следующую структуру: введение, три главы и заключение. Первая глава посвящена изучению литературной репутации Эмина в том виде, в котором она сформировалась у современников писателя и исследователей его творчества. Этот обзор необходим, так как сложившаяся репутация писателя свидетельствует о том, каким образом была воспринята (или не воспринята) его литературная позиция. Кроме того, в этой части работы учитываются примеры рефлексии Эмина о задачах его литературной деятельности, что позволяет сделать предварительные выводы о его авторских установках. Во второй главе подробно анализируется сборник «Нравоучительные басни Ф. Эмина», как наименее изученное произведение автора, а также как текст, в котором явственно выражена обозначенная в предыдущей главе авторская стратегия Эмина. Третья глава посвящена сопоставительному анализу сборника басен, дебютного романа Эмина «Непостоянная фортуна» и сатирического журнала «Адская почта». Этот анализ позволяет сделать выводы о том, как реализуется литературная позиция Эмина в произведениях столь различных жанров.

Таким образом, основной материал исследования – это произведения Ф. А. Эмина: «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда» (1763)¹⁶, «Нравоучительные басни» (1764)¹⁷, а также журнал «Адская почта» (1769)¹⁸.

Метод исследования включает в себя элементы культурно-исторического, сравнительно-сопоставительного и социологического методов.

---

¹⁶ Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда. СПб., 1763.

¹⁷ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни Фёдора Эмина / Изд. 2-е. СПб., 1789.

¹⁸ Эмин Ф. Адская почта, или Переписки хромоногого беса с кривым. СПб., 2013.

Глава 1. Литературная репутация Ф. А. Эмина.

Как уже было сказано, произведения Эмина интересовали исследователей, главным образом, с точки зрения их принадлежности к определённым жанровым традициям, а не как комплекс перекликающихся между собой текстов одного автора. Возможно, такое отношение к наследию Эмина отчасти вызвано его своеобразной репутацией, сложившейся ещё при жизни автора и частично сохранившейся до наших дней.

Дело в том, что Ф. А. Эмин изначально привлекал к себе внимание не только как писатель, но как человек с запутанной, авантюрной и неправдоподобной на первый взгляд биографией. Активно изучались несовпадающие между собой версии о происхождении Эмина и его судьбе до 1761 г., когда он, будучи иностранцем, впервые приехал в Петербург¹⁹. Главным источником сведений были устные рассказы самого писателя, которые у современников вызывали недоверие и даже насмешки. Биография Эмина действительно в высшей степени экзотична²⁰. Сын боснийского бея с польскими корнями и невольницы-христианки, он родился в Константинополе, учился в Венеции, затем, пожив немного на острове Лесбос, вместе с впавшим в немилость отцом бежал в Алжир и, получив там чин офицера, отправился в Европу. По дороге Эмин попал в руки пиратов и был привезён в Марокко, но вскоре сбежал в соседнюю португальскую факторию, а оттуда в Лиссабон. После этого будущий писатель добрался до Англии, где решил выполнить данное матери обещание и обратиться из ислама в христианство. В этом ему помог русский посланник в Лондоне князь Александр Михайлович Голицын. Он способствовал тому, что в феврале 1761 года Эмина крестили по православному обряду в русской посольской церкви. Получив русский паспорт, уже в мае того же года Эмин

---

¹⁹ См. например, Лонгинов М. Н. Ф. А. Эмин // Русская старина. 1873. № 5. С. 616–619; Арзуманова М. А. Новое о Ф. А. Эмине // Русская литература. 1961. № 1. С. 113–126; Бешенковский Е. Б. Жизнь Фёдора Эмина // «XVIII век». Вып. 11. Л., 1976. С. 186–203.

²⁰ Факты о биографии Ф. А. Эмина приводятся по статье В. П. Степанова из «Словаря русских писателей XVIII века» (Степанов В. П. Эмин Фёдор Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 444–451.

прибыл в Петербург и поступил на русскую службу. Историю своей жизни он изложил в прошении на имя императрицы, а впоследствии многократно пересказывал в салонах, развлекая публику.

Рассказы о столь фантастическом прошлом воспринимались слушателями как выдумки человека с богатой фантазией²¹. Кроме того, этот автобиографический материал был положен в основу фабулы дебютного романа Эмина «Непостоянная fortuna, или Похождение Мирамонда». 6 июня 1763 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление: «Продается книга Мирамондово похождение, часть первая, в которой сочинитель описывает разные *свои приключения...*»²². В предисловии к роману автор также настаивал на том, что он был участником и свидетелем описываемых приключений. Сам факт того, что подлинные события жизни Эмина были помещены в авантурный роман и смешивались в нём с вымыслом, заставлял публику испытывать ещё большие сомнения насчёт правдивости писателя.

Впоследствии ситуацию усугубило то, что после начала Русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) Эмин стал отрицать своё турецкое происхождение. Это не только не прибавило ему доверия²³, но и вызвало большую путаницу в его последующих жизнеописаниях. Дошло до того, что издатели «Пути ко спасению» после смерти автора стали приписывать ему русское происхождение и учёбу в Киевской Академии, чтобы снять получившийся парадокс: в недавнем прошлом турок и мусульманин написал дидактическое сочинение для православных россиян²⁴.

---

²¹ Алпатова Т. А. Проблема трансформации индивидуальной биографии в художественное повествование (Роман Ф. А. Эмина «Непостоянная fortuna, или Похождение Мирмонда») // Вестник Московского областного университета. М., 2012. С. 85.

²² Санкт-Петербургские ведомости. 1763 г. С. 534. 6 июня.

²³ «Едва только Эмин объявил, что он не турок и, следовательно, все его рассказы, которыми он в течение 7 лет занимал читателей и петербургское общество, не что иное, как плод его фантазии, в литературе и в сатирических журналах появилось множество язвительных насмешек над незадачливым сыном алжирского бея» (Бешенковский Е. Б. Указ соч. С. 197).

²⁴ Там же. С. 198.

Таким образом, у современников сформировалось представление об Эмине как о личности загадочной, подозрительной и авантюрной. Это влияло и на его карьерные успехи. Вскоре после прибытия в Петербург Эмин был принят переводчиком в Коллегию иностранных дел. Здесь ему пригодились то, что за время своих странствий он овладел как минимум шестью языками. Однако в Коллегии иностранцу не доверяли и всячески пытались его уволить или перевести в Москву. Только заступничество Михаила Илларионовича Воронцова позволило Эмину остаться на службе. При этом он был вынужден преподавать для заработка итальянский язык в Сухопутном шляхетском корпусе и Академии художеств. Летом 1763 года Эмин всё же был уволен из Канцелярии и по протекции Орловых получил место переводчика при Кабинете Её Императорского Величества. Неустойчивое положение на службе и связанные с этим материальные трудности и послужили для Эмина поводом заняться литературным трудом. В этом он признавался устами автобиографического героя одного из романов:

«Жалованье, которое я получал, больше раздражало, нежели утолить могло мой голод; тогда я, не зная каким образом промыслить себе кусок хлеба, начал упражняться в сочинениях»²⁵.

Отношение к литературному творчеству как к средству заработка было нетипичным для писателей XVIII века и вызывало несколько презрительное отношение, например, со стороны такого автора как Александр Петрович Сумароков²⁶. Загадочное происхождение, фантастическая биография, путешествия по разным странам, смена профессий и покровителей, чрезвычайная активность и склонность к сочинительству – всё это создавало Эмину репутацию типичного искателя фортуны, авантюриста, каких XVIII век знал немало²⁷.

---

²⁵ Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла... / Изд. 2-е. М., 1781. С. 191.

²⁶ Сумароков А. П. Ядовитый // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 5. М., 1781. С. 187.

²⁷ Изучению феномена авантюриста в XVIII веке посвящена книга: Строев А. Ф. Авантюристы Просвещения: «Те, кто поправляет фортуна». М., 1998. 400 с.

Показательно, что некоторые исследователи, принимая во внимание ещё и необычайную интенсивность, с которой писал и печатался Эмин, характеризовали этого автора скорее как удачливого ремесленника, угадавшего потребности публики. Особенно резкую оценку дал Эмину Г. А. Гуковский: «Это был авантюрист и делец, Чичиков русской литературы XVIII века»²⁸. Отсюда, как представляется, возник и определённый принцип изучения творчества Эмина, упоминавшийся выше. Автор, пишущий только ради заработка, обращается к тем жанрам, которые находят спрос у читателя – в его выборе нет внутренней логики, а значит, и его произведения должны изучаться, главным образом, на фоне жанровых традиций, к которым они принадлежат.

Как уже не раз отмечалось выше, центральную линию творчества Эмина представляли романы. Его литературная репутация также изначально формировалась как репутация романиста.

В России XVIII века роман только начинал проникновение в систему литературы, велись ожесточённые споры о нём как о бесполезном и вредном или же полезном и нужном жанре. И более сильной была именно позиция противников романа. Хорошо известно, например, что М. В. Ломоносов называл романы «французскими сказками», и считал, что «они никакого нравоучения в себе не заключают» и «служат только к развращению нравов человеческих и к вящему закоснению в роскоши и плотских страстях».²⁹ А. П. Сумароков отзывался о книгах этого жанра схожим образом: «Полезы от них мало, а вреда много. Чтение романов не может назваться препровождением времени; оно погубление времени».³⁰ М. М. Херасков, в свою очередь, противопоставлял романы книгам «хорошего содержания» (к ним по мысли Хераскова относятся философские, нравоучительные книги и

---

²⁸ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 153.

²⁹ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 222–223.

³⁰ Сумароков А. П. О чтении романов // Трудолюбивая пчела. СПб., 1759. Июнь. С. 374.

«книги, до наук и художеств касающиеся»³¹ Ф. А. Эмин придерживался другого мнения.

Именно с написания и перевода романов Эмин начал свою литературную деятельность. Казалось бы, удивительно, что начинающий писатель, чьё благополучие напрямую зависело от успеха у читателей, выбрал столь сомнительный и неустоявшийся жанр. Тем не менее, этому есть несколько объяснений. Во-первых, для прожившего в Европе Эмина роман был вполне привычным жанром, не имеющим никаких отрицательных коннотаций. Зная несколько языков, Эмин мог в оригинале читать многие романы, неизвестные русскому читателю, и использовать их как образцы для собственных сочинений. На это указывала, например, О. Б. Лебедева: «Для того, чтобы заложить основы романного жанра в русской литературе, Эмин был просто идеальной фигурой: его бурная молодость и универсальное знакомство со многими европейскими и азиатскими странами дали ему тот необходимый опыт, который позволил перешагнуть некий психологический барьер, существующий в эстетическом сознании русских прозаиков-переводчиков из-за предельного несходства той картины мира, которая выростала в повествовании европейского любовно-авантюрного романа, с национальным русским общественным и частным бытом»³². Вторую причину чётко обозначил В. П. Степанов: «Творческие связи с переводчиками Сухопутного шляхетского корпуса обусловили обращение Эмина к жанру романа вместо традиционных дидактических сочинений»³³. Действительно, в типографии Кадетского корпуса в то время печаталось много переводных романов³⁴,

---

³¹ Херасков М. М. О чтении книг // Полезное увеселение. М., 1760. Январь. № 1. С. 3–8.

³² Лебедева О. Б. Жанровые модели романа-путешествия и романа-воспитания чувств в творчестве Ф. А. Эмина // Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII в. М., 2000. С. 216.

³³ Степанов В. П. Эмин Фёдор Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 446.

³⁴ Например, Шансьерж. Похождение Неоптолема сына Ахиллесова / Перевел с франц. Александр Храповицкой. СПб., 1762; Филдинг С. Сирота аглинская, или история о Шарлотте Суммерс / Перевел с франц. Е. Харламов. Т. I–IV. СПб., 1763; Бартеlemi Ж.–Ж. Любовь Кариты и Полидора / Перевел с франц. Денис Фонвизин. СПб., 1763.

Эмин же, как преподаватель Корпуса³⁵, не мог не знать об этом. Кроме того, выбор жанра оказался верным ещё и потому, что широкой публике было нужно развлекательное светское чтение, и Эмин со своими оригинальными произведениями удачно занял нишу рукописных повестей петровского времени, древнерусских сказок о Бове и переводных романов.

При этом Эмин, в отличие от Ломоносова, Сумарокова или Хераскова, не считал роман исключительно развлекательным и поэтому вредным, развращающим жанром. В предисловии к своему первому произведению – «Непостоянной фортуне» (1763 г.) – он пишет: «Не надеюсь, чтоб сие мое сочинение молодому юношеству, кое обыкновенно прелестями к добродетелям влекомо бывает, какой-либо не принесло пользы». И там же чуть дальше: «Сплетенныя приключения, здесь изображенныя, того к добродетели приветствуют, кто с точным рассуждением околичности оных разбирать станет»³⁶.

Подобные высказывания Эмина давали исследователям повод писать о том, что он «выступал принципиальным защитником романа как жанра»³⁷ и начал в России «новую эпоху отношения к роману».³⁸

О важности для Эмина-писателя нравоучительного элемента свидетельствует и то обстоятельство, что дидактическая направленность творчества Эмина отнюдь не исчерпывается его романами. В 1764 году, он опубликует сборник «Нравоучительные басни», затем составит три тома «Российской Истории», которую исследователи подчас относят к «риторико-

---

³⁵ Напомним, что в Кадетском корпусе Эмин служил преподавателем итальянского языка с августа 1762 по январь 1764 года.

³⁶ Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда. Ч. 1 / Издание второе. СПб., 1781. С. V–VI.

³⁷ Западов А. В. Эмин // История русской литературы: В 10 т. Т. 4. Ч. 2. / под ред. Г. А. Гуковского и В. А. Десницкого. М.; Л., 1947. С. 259.

³⁸ Билинкис М. Я. Указ. соч. С. 63. Стоит обратить внимание на показательный факт: в «Рыцаре нашего времени» Н. М. Карамзина, признавая парадоксальной саму возможность похвалы за что бы то ни было «нескладнице “Мирамонда”», рассказчик тем не менее видит в этом романе больше пользы, чем вреда для юного читателя (Карамзин Н. М. Рыцарь нашего времени // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 764).

нравоучительному направлению в историографии»³⁹. Сам автор в предисловии к первому тому писал, что свойство Истории состоит в том, чтобы «не только человеческое любопытство уведомлять о прошедших делах, но и важностию речей и разными полезными рассуждениями научать тех, кои довольнаго просвещения не имеют»⁴⁰. Завершается творчество Эмина, как уже упоминалось, религиозно-философским сочинением «Путь ко спасению»⁴¹. Таким образом, Ф. А. Эмин, как и большинство авторов XVIII в., видел свою цель в просвещении читателей и исправлении их нравов.

Это самосознание или, другими словами, достаточно явственная писательская позиция, проявлялась и в других ситуациях. Можно привести один любопытный пример: в сборнике «Нравоучительные басни Ф. Эмина» (1764) есть басня под названием «Вор, сочинитель книг и судья». Само по себе наличие у Эмина басни с подобным сюжетом интересно как пример возможной авторской саморефлексии. Мораль басни такова: «Великая глупость, надеясь на то, что много есть преступников, грешить»⁴². Однако основной конфликт в этом небольшом тексте разворачивается скорее вокруг проблемы плагиата, так как пойманный Вор доносит на Автора и обвиняет его в том, что заимствование у других сочинителей ничем не отличается от простого воровства. В своё оправдание Автор говорит, что «Разумное подражание есть великое дело во всех сочинениях»⁴³. Подобной фразой сам Эмин мог бы ответить тем, кто называл его романы вторичными по отношению к западным образцам. Ещё более значимыми оказываются слова Юпитера в конце басни: «Автор, которой крадёт других дела, называя своим, только у неразумных почитается за сочинителя». Наказанием для такого

---

³⁹ Степанов В. П. Указ. соч. С. 449.

⁴⁰ Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей...Т. 1. СПб., 1767. С. XLVIII.

⁴¹ Впервые издано в 1780 г. и многократно переиздавалось на протяжении XIX века.

⁴² Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. СПб., 1764. С. 92.

⁴³ Там же. С. 91.

автора, по мысли Юпитера, становится то, что разумные люди «чтут его за учёного вора и невежу»⁴⁴. Таким образом, если считать, что в данном случае автор басни солидарен с Юпитером, рассудившим остальных персонажей, Эмин был склонен полагаться на разум своих читателей. Это утверждение может быть доказано также тем, что похожую мысль мы обнаруживаем в предисловиях к романам Эмина. Приведём, например, цитату из предисловия к «Непостоянной фортуне»:

«Если в сем моем сочинении что-нибудь сыщется, что чьему вкусу противно покажется, то я прошу благосклонных читателей так поступить с моим сочинением, как делает человеческая натура с обыкновенным своим кормом, пользуясь тем, что ей потребно, а лишнее не чувствительно истончевая»⁴⁵.

В предисловии к «Приключениям Фемистокла» Эмин вновь говорит о том, что уповает на рассудительность читающей публики:

«Увещаваю благосклонных читателей, что не для того в сем моем сочинении изображены гражданские, философические и прочие разные разговоры, чтобы служить могли вместо наставления, но для той единственно причины, дабы сообщить публике мои мысли, в которых, ежели благоволивый читатель, сыщет недостаток исправь оной твоим благорассуждением»⁴⁶.

Та же мысль характерна и для предисловия к переводному роману «Безщастный Флоридор»:

«Многие говорят, что романы больше развращают, нежели исправляют человеческие нравы, знать то, что так утверждающие Сократовы лекарства без рецепта принимали <...>, и как никакого лекарства нет, чтобы не имело в себе противного и полезного, так ни одна книга такая не сыщется, по которой бы все было хорошо, а ничего худого, или все худо, а ничего хорошего, и

---

⁴⁴ Там же. С. 92.

⁴⁵ Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна... М., 1781. С. IX.

⁴⁶ Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла... СПб., 1763. С. 16.

ежели кто с благорассуждением читает книги, то несходное с его благоразумием пропустит мимо, а полезным пользоваться будет»⁴⁷.

Итак, одно из фундаментальных начал творчества Ф. А. Эмина можно определить как дидактику. Эта тенденция проходит через его сочинения различной жанровой природы, даже далёкие от нравоучительности, например, романы. Однако этим не исчерпываются общие особенности творчества Эмина. Другая стратегия, служащая интеграции, – это развлекательность романного типа.

Неоднократно отмечалось, что Эмин, превративший в авантурный роман собственную биографию, также романизировал и свою «Российскую историю», стараясь сделать её более увлекательной для чтения. В. П. Степанов подчёркивал, что в «Истории» Эмин «стремился прежде всего к связному и литературно обработанному изложению событий, скрепленному моралистическими рассуждениями»⁴⁸. Действительно, помимо дидактичности, исследователи всегда отмечали беллетризованность «Российской истории» и то, что она должна быть рассмотрена в связи с романами Эмина. «Эмин отнесся к написанию истории как к созданию очередного своего романа»⁴⁹ – писал А. В. Западов. И продолжал: «“История” Эмина давала читателю связный беллетризованный рассказ о первых событиях русской истории (доведенный до 1231 г.), рисовала фигуры царей и полководцев, изображая их героями; автор вкладывал им в уста вымышленные речи, стараясь представить, что именно могли они говорить в том или ином случае. Всех исторических героев Эмин заставляет разговаривать языком 60-х годов XVIII в. <...> Принцип ясен и приходится отметить, что он по существу не отличается от карамзинской манеры воспроизведения речи исторических персонажей».⁵⁰ Упомянутый

⁴⁷ Мартиано Г. Безщастный Флоридор: История о принце ракалмуцком / Пер. с италианскаго на российскоий язык е. и. в. кабинет переводчик Федор Эмин. СПб., 1763. С. 5–6.

⁴⁸ Степанов В. П. Указ. соч. С. 449.

⁴⁹ Западов А. В. Указ. соч. С. 261.

⁵⁰ Там же.

Н. М. Карамзин также связывал «Историю» Эмина с его романами, хоть и в отрицательном смысле: «Самый любопытный из романов г-на Эмина есть собственная жизнь его, как он рассказывал ее своим приятелям, а самой неудачной – Российская его история».⁵¹

И дело вовсе не ограничивается одной «Российской историей», романизация текстов другой жанровой природы составляет одну из важнейших стратегий его литературной деятельности вообще. Особенно же интересны в этом отношении «Нравоучительные басни» Эмина, которые заслуживают отдельного изучения.

---

⁵¹ Карамзин Н. М. Пантеон российских авторов // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1964. С. 171.

Глава 2. «Нравоучительные басни» Ф. А. Эмина

Итак, в творчестве Эмина, даже при беглом знакомстве, можно проследить две тенденции: к нравоучению и к тому, чтобы развлечь читателя, используя приёмы, характерные для романа. Данная глава будет посвящена анализу «Нравоучительных басен» Эмина как произведения, в котором эти тенденции проявились в полной мере.

Несмотря на то, что сборник басен является довольно значительным по объёму непереводаемым произведением автора, исследователи творчества Эмина практически не обращались к его изучению. Характерно, что Г. А. Гуковский, интересовавшийся фигурой Эмина, не пишет о «Баснях» ни в своём учебнике⁵², ни в статье «Эмин и Сумароков»⁵³ (хотя оба автора примерно в одни и те же годы писали басни). В статье А. В. Западова из «Истории русской литературы»⁵⁴ мы также не находим даже упоминания о сборнике – Эмин рассматривается исключительно как романист и издатель журнала. Буквально несколько формальных замечаний о «Нравоучительных баснях» обнаруживаем в статье В. П. Степанова⁵⁵ – наиболее объективном и полном обзоре творчества Эмина. Современный исследователь Эмина Т. Е. Автухович в своих работах лишь однажды обращается к сборнику, а точнее к конкретной басне «Вор, Сочинитель книг и Судья», иллюстрируя интерес Эмина к проблеме автора⁵⁶.

Что же касается научных работ, посвящённых изучению русской басни XVIII в., упоминания о сборнике Эмина мы находим в книге И. З. Сермана «Русский классицизм». Учёный, не вдаваясь в подробности, выделяет три

---

⁵² Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 153–158.

⁵³ Гуковский Г. А. Эмин и Сумароков // XVIII век. Вып. 2. М.; Л., 1940. С. 77–94.

⁵⁴ Западов А. В. Эмин // История русской литературы: в 10 т. Т. 4. Ч. 2. / под ред. Г. А. Гуковского и В. А. Десницкого. М.; Л., 1947. С. 256–265.

⁵⁵ Степанов В. П. Эмин Фёдор Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 447–448.

⁵⁶ Автухович Т. Е. Риторика. Жизнь. Литература: Исследования по истории русской литературы XVIII века. Минск, 2015. С. 257.

тенденции, которые присутствуют в сборнике: одни басни, по его мнению, тяготеют к новеллам, другие – к аллегориям, а третьи – к «некому подобию нравоописательных очерков»⁵⁷. О сборнике в целом (наряду с другими прозаическими сборниками басен) Серман пишет, что ему присуща установка на прямую дидактику, «без каких бы то ни было попыток обращения к комическому»⁵⁸.

И. З. Серман изучал теоретические воззрения писателей на жанр басни и то, как они воплощались на практике. Эти задачи и послужили для него поводом обратиться к произведению Эмина. В несколько ином контексте «Нравоучительные басни» рассматриваются во вступительной статье С. Ю. Баранова к изданию «Повести разумные и замысловатые»⁵⁹. Басни Эмина опубликованы под одной обложкой с произведениями М. Д. Чулкова, М. Комарова, В. А. Левшина и анонимным «Несчастливым Никанором». Этот факт уже говорит о том, что, по мнению составителя сборника, «Нравоучительные басни» – это в первую очередь явление массовой литературы XVIII в. С. Ю. Баранов указывает на ослабленное дидактическое начало и разнородность текстов, названных баснями⁶⁰.

Исследовательница из Германии Х. Имендорффер, изучая историю русской басни, также обращается к сочинению Эмина. Её краткий анализ ограничивается тезисами о том, что источники его басен неизвестны, но, вероятно, могут быть обнаружены в испанской или итальянской традиции. Исследовательница пишет об экзотичности и сентиментальности басен, указывает на наличие в них сигнальных слов, свойственных сентиментальным текстам, а также подчёркивает то, что морально-

---

⁵⁷ Серман И. З. Два типа басенного рассказа // Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. С. 218.

⁵⁸ Там же. С. 217.

⁵⁹ Баранов С. Ю. Популярная проза XVIII века // Повести разумные и замысловатые. М., 1989. С. 3–28.

⁶⁰ Там же. С. 21.

дидактический аспект в баснях не является центральным, что для Эмина важнее установка на развлекательность⁶¹.

Ещё одно исследование, в котором уделяется внимание басням Эмина – это статья Л. А. Ольшевской и С. Н. Травникова в сборнике «Русская басня. История и теория жанра»⁶². В ней авторы проводят небольшой анализ «Нравоучительных басен», дают собственную классификацию текстов внутри сборника, основанную на жанровом принципе. Они выделяют среди басен Эмина притчи, новеллы, литературные сказки, анекдоты и восточную повесть. Авторы статьи убеждены, что в сборнике преобладают дидактические притчи и в них усилен морально-философский аспект. Этот тезис хорошо сочетается с общей идеей авторов о том, что прозаические басни – это продолжение древнерусской притчевой традиции, что под «басней» в данном случае подразумевается не жанр, а «содержательный план сочинения, построенного на вымысле и сказочной фабуле»⁶³. При этом развлекательный аспект басен Эмина остаётся вне исследования, что может ввести читателя, не знакомого с самими текстами, в заблуждение.

Таким образом, мы видим, что до сих пор не было проведено полного исследования «Нравоучительных басен» Ф. А. Эмина, затрагивающего как формальные, так и содержательные аспекты этого произведения. И что ещё более важно, басни Эмина не изучались в контексте его собственного творчества, а они этого, без сомнения, заслуживают.

«Нравоучительные басни Фёдора Эмина» были впервые изданы в 1764 г. в типографии Академии Наук тиражом в 1362 экземпляра. Книга состоит из 261 страниц и содержит 120 прозаических басен. До выхода этого сборника Эмин был уже известен как автор двух переводных и двух оригинальных романов, в один год с баснями вышли ещё два романа: переводной

---

⁶¹ Imendörffer H. Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Teil 1. Wiesbaden, 1998. S. 389.

⁶² Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Ох! Басни – смерть моя! Насмешки вечные над львами! Над орлами!» (История и теория русской басни XVII – XVIII веков) // Русская басня. История и теория жанра. Сборник научных статей. М., 2007. С. 3–107.

⁶³ Там же. С. 79.

«Горестная любовь маркиза де Толедо» и оригинальный «Награжденная постоянность, или Приключения Лизарка и Сарманды». На тот момент жанр романа считался исключительно развлекательным и довольно легкомысленным, поэтому то, что романист написал дидактическое сочинение, было событием. Это было отмечено, на что указывает заметка в «Ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих»: «Прежде г. Эмин думал забавлять свет похождениями, а ныне к пользе нравоучительной больше приблизился, написав басни»⁶⁴.

Однако басни Эмина имеют ряд особенностей, которые не позволяют считать их классическим примером басни или же относить к чисто нравоучительной прозе. Во-первых, это басни в прозе. С одной стороны, определение басни как жанра не предполагает именно стихотворной формы. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» находим такое определение басни: «жанр дидактической литературы: короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл»⁶⁵. Тем не менее, для русского читателя, безусловно, более привычными оказываются басни в стихотворной форме; именно эта традиция возобладала в нашей литературе (начиная с силлабических басен А. Д. Кантемира и заканчивая широко известными баснями И. А. Крылова). В годы, близкие к моменту выхода книги Эмина, было опубликовано сразу несколько крупных оригинальных сборников басен в стихах. Это «Притчи» А. П. Сумарокова (1762, 1769)⁶⁶, «Нравоучительные басни» М. М. Хераскова (1764)⁶⁷, ещё один сборник под таким же названием

---

⁶⁴ Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1764. Сентябрь. С. 276.

⁶⁵ Гаспаров М. Л. Басня // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 2001. С. 73–74.

⁶⁶ Сумароков А. П. Притчи Александра Сумарокова. Кн. 1–2. СПб., 1762; Сумароков А. П. Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. СПб., 1769.

⁶⁷ Херасков М. М. Нравоучительные басни. Ч. 1–2. М., 1764.

– «Нравоучительные басни» В. И. Майкова (1766, 1767)⁶⁸. Таким образом, в шестидесятые годы жанр басни становится чрезвычайно популярным. Исследователи связывают это с расцветом эпохи Просвещения, для которой басня явилась органичным способом выражения её идеологических установок⁶⁹, а также с тем, что чуть ранее, начиная с 50-х гг. как на Западе, так и в России активно разрабатывалась теория басни⁷⁰.

Что же касается прозаической линии в истории этого жанра на русской почве, она оказалась менее продуктивной и представлена, помимо двух оригинальных сборников, лишь переводами. Это неоднократно переизданные басни Эзопа (1747)⁷¹ и «Басни нравоучительные с изъяснениями...» крупнейшего датского писателя Людвиг Гольберга, перевод которых с немецкого посредника осуществил молодой Д. И. Фонвизин (1761)⁷². Кроме того, с французского языка была переведена книга «Политические и нравоучительные басни Пильпая» (1762), которая является одной из переработок древнеиндийского текста «Панчатантры»⁷³. Однако это произведение по структуре кардинально отличается от других басенных сборников. Оно имеет рамочную композицию и представляет собой беседу между царём и мудрецом Пильпаем, в которую включены притчи, иллюстрирующие ту или иную поднятую в разговоре тему. Первым оригинальным сборником прозаических басен стали «Новые нравоучительные басни, с прибавлением особливых к ним изъяснений»

---

⁶⁸ Майков В. И. Нравоучительные басни. Ч. 1. М., 1766; Майков В. И. Нравоучительные басни. Ч. 2. М., 1767.

⁶⁹ Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Указ. соч. С. 14.

⁷⁰ Серман И. З. Спор о басне / Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. С. 191–203.

⁷¹ Эзоповы басни с нравоучениями и примечаниями Рожена Летранжа / Пер. С. С. Волчков. СПб., 1747. Переизданы в 1760, 1766, 1783 и 1791 гг.

⁷² Гольберг Л. Басни нравоучительные с изъяснениями господина барона Голберга / Пер. Д. И. Фонвизин. М., 1761. Переизданы в 1765 г. с добавлением 42 басен, а затем в 1787 г.

⁷³ Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского / Пер. Б. А. Волков. СПб., 1762.

В. Т. Золотницкого (1763)⁷⁴. Именно с этим произведением, как нам представляется, следует в первую очередь сопоставлять «Нравоучительные басни» Эмина, вышедшие годом позднее. Этими немногочисленными сочинениями ограничивается история русской прозаической басни, в дальнейшем в свет выходили лишь переиздания.

По словам Л. А. Ольшевской и С. Н. Травникова, «прозаическая притча достигла вершины развития в творчестве Федора Александровича Эмина»⁷⁵. Исследователи на протяжении всей статьи называют прозаические басни притчами именно на основании нестихотворной формы и возводят их к средневековой традиции «прозаической философской притчи» – жанру, потеснённого стихотворной басней⁷⁶. Кроме того, Ольшевская и Травников полагают, что притчи тяготеют к тому, чтобы быть включёнными в состав более крупного произведения⁷⁷. Подобный пример мы находим среди «Новых нравоучительных басен» В. Т. Золотницкого. Автор наряду с отдельными текстами вводит в структуру сборника «Разговор между молодым принцем и его дядькою», который включает в себя басни с 35-й по 38-ю. Ни у Гольберга, ни у Эмина ничего подобного мы не найдём. Эти факты говорят нам о том, что традиция написания прозаических басен не была на тот момент сформирована окончательно, авторы находились в поиске формальных решений.

Особую точку зрения на то, почему Эмин избрал именно прозаическую форму для басен, представляет С. Ю. Баранов. Он считает, что писатель предпочитал прозу в подражание Эзопу или Лессингу⁷⁸. Эмин мог быть знаком с баснями Г. Э. Лессинга, которые вышли в 1759 г. в трёх книгах и с

---

⁷⁴ Золотницкий В. Т. Новые нравоучительные басни, с прибавлением особливых к ним изъяснений. СПб., 1763.

⁷⁵ Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Указ. соч. С. 82.

⁷⁶ Там же. С. 76.

⁷⁷ Там же. С. 16.

⁷⁸ Баранов С. Ю. Указ. соч. С. 21.

приложенным к ним «Рассуждением» о теории басни и действительно похоже, что ориентировался он именно на эту традицию. Об этом можно судить ещё и потому, что открывает сборник Эмина басня «Павлин и петух», сюжет которой прямо соотносится с сюжетом басни Лессинга «Der Pfau und der Hahn» («Павлин и петух»). Тем не менее, это не перевод, а весьма вольная переработка сюжета. У Лессинга павлин в разговоре с курицей упрекает петуха в высокомерии. Курица же отвечает, что петух по праву гордится своей бдительностью и мужеством, а вот павлин – лишь цветом и перьями. Мораль в конце отсутствует. В басне Эмина петух спорит с павлином примерно о том же, однако приводит необычный аргумент: после смерти петуха люди дорого покупают его мясо, а мясо павлина никому не нужно. Из этого выводится неожиданная в данном случае мораль: «Не поверхность, а внутренние добродетели похвалы достойны»⁷⁹. Как мы видим, она гораздо лучше отражает текст Лессинга, чем Эмина. Таким образом, родство этих двух басен очевидно.

Лессинг призывал следовать за Эзопом и отказаться от излишней поэтизации басни (позиция Лафонтена), которая отвлекала читателя и не соответствовала серьёзности и глубине поднятых морально-философских проблем. Басни Эмина не только написаны в прозе, но и довольно серьёзны. При всей своей занимательности, они редко вызывают улыбку, полны философских рассуждений (хоть и вложенных в уста животных, предметов, растений, всевозможных плутов и неудачников) и часто заканчиваются фатально для героев. Из 120 басен в 23-х кто-то из героев погибает, в 18-ти – получает увечья, оказывается побит или унижен, а в ещё 7-ми персонажи рассуждают о смерти или находятся под её угрозой.

Как бы то ни было, басни Эмина написаны именно прозой и это не уникальный пример в литературе того времени. Что же объединяет этот сборник с другими подобными, и что от них разительно отличает? В первую очередь, это структура. Басни Эмина преимущественно двухчастны: они

---

⁷⁹ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. СПб., 1764. С. 2.

состоят из небольшого сюжетного рассказа (объём может варьироваться от половины страницы до 10 страниц) и краткой морали в конце, выделенной в первом и последующих изданиях курсивом. При этом мораль зачастую оказывается неожиданной. В большинстве случаев она либо не совпадает с содержанием басни, либо выявляет не центральную проблему текста, а лишь одну из затронутых. Об этой особенности басен Эмина неоднократно писали исследователи. Ольшевская и Травников полагают, что «пуант» в притчах Эмина «обычно выражает глубинный нравственно-дидактический смысл сочинения»⁸⁰. Это, как нам кажется, не совсем так: в качестве морали басни Эмин всё же чаще всего использует одну из тех мыслей, которая лежит в данном случае на поверхности.

В качестве примера неполного соответствия основной части текста и морали приведём басню № 14 «Паук и муха». По сюжету, муха села отдохнуть на паутину, чем рассердила паука. В своё оправдание муха говорит, что везде вольна летать, даже в царских чертогах, поэтому не думала, что ей нельзя садиться где бы то ни было. На это паук отвечает, что излишняя вольность часто превращается в неволю, и в афористичном стиле заявляет: «кто никаких опасностей не боится, тот часто в оные впадает»⁸¹. Сама эта фраза могла бы стать моралью для данной басни, так как в конце паук убивает муху. Однако перед финалом истории муха делает ещё одну попытку оправдать себя и говорит, что у неё не так уж много вольности, потому что в царских покоях её гоняют и пытаются убить. Паук поворачивает этот факт в свою пользу и заявляет, что, если уж мухе не дают места в многочисленных царских покоях, то он вовсе не обязан терпеть то, как она бесцеремонно разорила его тесное жилище, и сохранять ей жизнь. Довольно сложно определить, какой именно урок должен был извлечь читатель из этого обмена репликами, но однозначно не тот, который предложил автор: «Опасность бывает там, где ее не надеешься» (с. 34). Эта тема, безусловно, присутствует

---

⁸⁰ Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Указ. соч. С. 85.

⁸¹ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. СПб., 1764. С. 33. Далее мы будем ссылаться на это издание в тексте работы.

в басне: муха, садясь на паутину, действительно не надеялась найти свою смерть, но большая часть басни посвящена скорее проблемам излишней вольности, справедливости или же незаконного покушения на частную собственность.

В сборнике мы находим немало подобных примеров. Смысл басен оказывается гораздо шире и не сводится к той формулировке, которая предлагается в конце. При этом в части текстов содержание и мораль прямо связаны друг с другом, что делает их похожими на басни, привычные для современного читателя. Так, например, очень короткая басня № 98 «Чижик и Кошка» (с. 224–225) повествует о том, как чижик вылетел из клетки и сел на землю, посчитав кошку, которая лежала на скамейке и «морчала набожным голосом», «пресмирной тварью». Кошка, конечно же, съела чижика, из чего следует мораль: «Смирного и набожного больше остерегаться надобно, для того, что ныне узнать не можно, не притворяется ли он; а явный злодей не столько опасен, ибо всякий его бережется». Можно было бы предположить, что длинные басни с развёрнутым сюжетом не так прочно связаны с их поучительными окончаниями, чем короткие, в которых не успевает произойти много событий и состояться несколько диалогов. Однако это не так: между объёмом басни и тем, насколько мораль соответствует её содержанию, нет очевидной закономерности. Например, в одной из самых длинных басен – № 32 «Щастие и Разум» (с. 66–74), события которой разворачиваются на девяти страницах, мораль – «Щастие не поможет, когда ума нет» – представляет собой самый логичный вывод из всего рассказанного.

Обратим внимание на то, что и для других прозаических сборников басен была свойственна эта особенность. Бегло характеризуя переведённые Д. И. Фонвизиним басни Л. Гольберга, сборник В. Т. Золотницкого и «Нравоучительные басни» Эмина, И. З. Серман пишет, что «“изъяснения” используются авторами для высказываний на общественные или этические

темы, часто очень далёкие от прямого смысла басни и её сюжета»⁸². При этом сама форма «изъяснений» во всех трёх сборниках различна. У Гольберга они чаще всего начинаются словами: «баснь сия учит» или «баснь сия показывает», а далее идёт объяснение, которое может состоять из нескольких предложений и касаться не одной, а нескольких затронутых в басне проблем. Таким образом, в подобном приложении к басне напрямую проявляется голос автора, его точка зрения. Сходную ситуацию мы обнаруживаем и в сборнике Золотницкого. Здесь автор использует само слово «изъяснение», отделяя таким образом текст басни от объяснительной части, которая зачастую превышает его в объёме. Между тем, в баснях Эмина мораль – это короткая (за редким исключением), афористичная фраза, часто похожая на пословицу или даже являющаяся ею. Приведём примеры:

«Кто живёт, всего надеясь, тот умирает, ничего не имея» (№ 4 «Соловей и Роза», с. 8).

«Что за собой знаешь, в том другого не обличай» (№ 17 «Козёл и Жрец», с. 40).

«Кто для погибели другого яму роет, тот сам часто в оную попадает» (№ 20 «Птицелов и дрозд», с. 43).

«Где не можешь перескочить, там подлезть надобно». (№ 38 «Заиц и Олень», с. 89).

«Сыт голодного никогда не понимает, и теперь никто бедному чем иным пособлять не хочет, как только увещанием и советованием быть терпеливым». (№ 80 «Нищий и Оратор», с. 166).

«Щастлив тот, кто ни в ком нужды не имеет». (№ 118 «Министр и Пустынник», с. 257).

Мы видим, что Эмин выбирает довольно оригинальную форму для формулировки басенной морали.

Стоит заметить, что у двух басен из сборника Эмина мораль отсутствует. Первая из них – басня № 22 «Полимния и Мелпомена» (с. 44–47). В ней муза

---

⁸² Серман И. З. Указ. соч. С. 218.

торжественных гимнов и муза трагедии жалуются друг другу на то, как изменились времена и как теперь их искусство используется уже не для благих целей. Басня является аллегорической и завершается репликой Мельпомены о том, что её защитники – Геройство и Правда умерли, оставив её во власти Притворства, «с которым в родстве Политика, Министерства, Скупость, которые многие называют Экономией, и иные множественные чины, под руководством Притворства управляемые». В результате «свойство её переменялось» и теперь вместо добродетели она рождает интерес. Таким образом, последние слова Мельпомены выражают основной смысл басни, очевидно, поэтому автор не стал снабжать её дополнительным пуантом.

Вторая басня из сборника Эмина, у которой отсутствует мораль – это басня № 78 «О Египетском царе» (с. 158–161). Она представляет собой текст, похожий скорее на сильно сжатую новеллу или анекдот. По сюжету царь задаёт своим старшинам 10 вопросов. Среди них: «В чём состоит настоящая правда?», «Кто больший ласкатель в свете?», «Кто больший лжец?» и т. д. Никто не может ответить на эти вопросы так, чтобы удовлетворить царя. Пока не появляется «некоторый дервиш» и не даёт ряд остроумных ответов. Например, на последний вопрос – о том, кто всех глупее – он отвечает, что это «тот муж, который спорит, что жена его всегда пребудет ему верною» (с. 161). Царь остался доволен этими ответами. Завершается басня уникальным для всего сборника образом – внезапно появляется голос повествователя: «Однако я думаю, что решение последней задачи касается только до египетских женщин, а европейские госпожи, конечно, оное почтут за несправедное» (с. 161). Этот текст меньше других похож на басню, однако большинство ответов дервиша (кроме последнего – очевидного упражнения в остроумии) по своей сути и являются аналогами басенной морали⁸³, подвести же их все к какому-то одному выводу было бы весьма сложно.

---

⁸³ Например, «Богатый тот, кто малым и только нужным довольствуется, и таковой все имеет, что ему надобно, ибо он ненужного не желает» (с. 160).

Обе басни с отсутствующим пуантом, несмотря на формальные различия, объединяет то, что они отчасти несут в себе сатирическую направленность, обличая пороки и современное состояние общества.

Произведённое сопоставление сборника басен Эмина с другими прозаическими басенными сборниками позволило выяснить ряд характерных для них жанровых особенностей. Одной из важнейших особенностей басен Эмина оказывается то, что в них, по сравнению с баснями Золотницкого, Лессинга или Гольберга, басенное начало присутствует в меньшей степени, их отличает нарративность романно-новеллистического тип. С другой стороны, это всё же именно басни, что подтверждается их тематическим спектром.

Содержание сборника

По своему определению, «повествовательной частью басня сближается со сказками (особенно животными сказками), новеллами, анекдотами; моралистической частью – с пословицами и сентенциями; один и тот же материал свободно перетекает между басней и этими смежными жанрами»⁸⁴. Басни, представленные в сборнике Эмина, в полной мере соответствуют такому определению: они чрезвычайно разнообразны по составу и действительно тяготеют к перечисленным жанрам. Исследователи, как уже говорилось выше, предлагали классифицировать басни Эмина именно по такому принципу: в зависимости от того, признаки какого жанра характерны для той или иной басни.

При анализе басен литературоведы также зачастую проводят классификацию по источникам (например, это могут быть сюжеты Эзопа, Федра, Лафонтена, Геллерта), однако в случае с текстами Эмина это невозможно. По словам В. П. Степанова, их сюжеты «не связаны с эзоповской традицией: они или вымышлены автором, или восходят к

---

⁸⁴ Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 73.

современным ему источникам»⁸⁵. Именно оригинальность и независимость от классических образцов отличает, по мнению Ольшевской и Травникова⁸⁶, прозаические басни от стихотворных.

Кроме уже упомянутых способов классификации представляется продуктивным также выделить в сборнике некоторые тематические группы, основываясь главным образом на том, кто является действующими лицами басни. Это позволит лучше представить, что же именно составляет содержание «Нравоучительных басен», выявить их своеобразие.

Таким образом, условно можно говорить о баснях, в которых героями являются животные (в том числе птицы и насекомые) (36), люди (36), аллегорические фигуры (12), мифологические персонажи и персонажи древней истории (10), предметы (10), люди и животные (8), люди и нежить (4), растения (3).

Мы не обнаруживаем подобного разнообразия ни в фонвизинском переводе басен Гольберга, ни у Золотницкого. Безусловно, во всех трёх сборниках присутствуют басни о животных. Однако у Гольберга они составляют большую часть книги (132 из 225) и преимущественно являются привычными образцами басен, в которых животные олицетворяют то или иное человеческое качество, порок, профессию и общаются между собой, как люди, воюя, обращаясь в суд, к докторам и т. д. У Золотницкого из 52 басен лишь 12 о животных, но они также имеют сюжеты о спорах, войнах и судебных разбирательствах между зверями, которые ведут себя подобно людям. Интересно, что при таком большом количестве басен о животных в трёх сборниках среди них нет текстов с совпадающими сюжетами.

Так, например, каждый из авторов сочинил басни, в которых героями являются волк и лисица: у Гольберга это «Лисицына и волкова

---

⁸⁵ Степанов В. П. Указ. соч. С. 447.

⁸⁶ Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Указ. соч. С. 77.

проповедь» (№67)⁸⁷, «Договор между лисицею и волком» (№ 75)⁸⁸, «Лисица и волк» (№ 108)⁸⁹; у Золотницкого – «Волк и лисица» (№ 9)⁹⁰, у Эмина – «Лисица и волк» (№ 10) (с. 23). Сюжеты этих басен даже отдалённо не напоминают друг друга, более того у Золотницкого и Эмина лисица не добивается успеха с помощью привычного для этого персонажа качества – хитрости. Золотницкий вводит её как пассивного второстепенного персонажа, а Эмин отдаёт предпочтение волку, который в конце басни разрывает лису на части и съедает.

Второй по многочисленности группой текстов во всех сборниках становятся басни, в которых действуют люди. У Гольберга – 44, у Золотницкого – 14, у Эмина – 36. Среди них мы так же не находим басен на один и тот же сюжет.

Гораздо меньше встречается произведений, в которых бы вступали в диалог животные и люди. У Гольберга – 10, у Золотницкого такие басни вовсе отсутствуют, у Эмина их 8. Лишь по 3 басни о растениях содержится в каждом из сборников.

Важной особенностью прозаических басен, в отличие от стихотворных, является то, что среди них есть аллегорические тексты. В качестве персонажей этих произведений могут выступать персонифицированные человеческие качества и состояния, а также некоторые другие понятия. Это, например, басни с такими названиями: «Метафизика и земледельство», «Правда и ложь» (у Гольберга); «Нетерпеливость и отчаяние», «Честность и богатство» (у Золотницкого); «Дружество, любовь и политика», «Мужество и притворство», «Меланхолия и Гипокондрия» (у Эмина).

---

⁸⁷ Фонвизин Д. И. Басни нравоучительные Голберга // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 312.

⁸⁸ Там же. С. 317.

⁸⁹ Там же. С. 337.

⁹⁰ Золотницкий В. Т. Новые нравоучительные басни с прибавлением особливых к ним изъяснений // Русская басня: Собрание сочинений. М.; СПб., 2007. С. 38.

Следует заметить, что наряду с перечисленными персонажами, во многих баснях из всех трёх сборников есть мифологические герои, которые чаще всего выступают в роли второстепенных. Это всевозможные сатиры, фавны, паны, черти, которые, как правило, олицетворяют собой хитрость, коварство, бесчестье. Встреча с ними не сулит персонажам ничего хорошего. Кроме того, активно используются имена римских богов: Юпитера, Аполлона, Марса, Сатурна, Венеры, Меркурия, Нептуна. Чаще всего – Юпитера: он в баснях выступает в качестве судьи и решает споры как людей, так и животных. Подобное заимствование персонажей из мифологии не является новшеством, аналогичные примеры характерны для всей басенной традиции, начиная с Эзопа. Однако в России XVIII в. появляется всё нарастающий интерес к античности⁹¹, поэтому введение в басни мифологических и исторических античных героев приобретает особый смысл. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского, фрагменты из «Илиады» в переводе М. В. Ломоносова, «Приключения Фемистокла» самого Эмина, а также издание в 1767 г. М. Д. Чулковым «Краткого мифологического лексикона» – всё это примеры, подтверждающие актуальность темы античности как для авторов, так и для читателей XVIII в. Если у Золотницкого и Гольберга мы не находим текстов, в которых бы обыгрывался отдельный мифологический сюжет (или же сюжет античной истории), то в сборнике Эмина подобные произведения встречаются.

Всего у Эмина есть 10 басен с такими сюжетами. Перечислим их: «Момус и Хилон», «Марс, Алекторион и Вулкан», «Павлин и Купидон», «О Авроре», «Гебея и Ганимед», «Две сирены», «Алкмена и Амфитрион», «Гарпократ и Меркурий», «Фалес и Периандр», «Анубис и Гермес».

Сюда же можно было бы отнести басню «Полимния и Мелпомена», так как в качестве героев в ней выступают греческие музы, однако по своей сути

---

⁹¹ Тема восприятия античности в России неоднократно поднималась в обзорных работах. См., например: Казанский Н. Н., Любжин А. И. Античная литература в культуре XVIII века // Русско-европейские литературные связи. XVIII век. Энциклопедический словарь. СПб., 2008. С. 274–296; Кнабе Г. С. Русская античность. М., 2000. 238 с.; Бухаркин П. Е. Литературное движение середины 1730-х – второй половины 1760-х гг. // Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы). СПб., 2013. С. 213–292.

басня является скорее аллегорической. Басня «Павлин и Купидон» находится на грани между этой тематической группой и баснями о животных, Павлин здесь олицетворяет собой тщеславие и одерживает победу над Купидоном (то есть над любовью). Однако в начале басни сжато приводится миф о Купидоне, «которого Юпитер, предвидя, сколько он человеческому роду беспокойств принести может, хотел лишить жизни, и коего Венера в лес от Юпитерова гнева спрятала» (С. 143). Несколько выделяется на общем фоне басня «Анубис и Гермес». В ней Эмин неожиданно обращается к египетской мифологии. Гермес же в этом контексте – не греческий бог, а «скульптурное изображение, подобное широко распространённым в античности изображениям головы покровителя путников бога Гермеса (Меркурия), которые использовались как дорожные знаки»⁹². Таким образом басня опосредованно, но всё же отсылает читателя к теме античности. В остальных баснях этой группы так или иначе обыгрываются конкретные сюжеты греко-римской мифологии (например, свидание Марса и Венеры и превращение Алктриона в петуха, посещение Юпитером Алкмены) или же герои мифов и античной истории взаимодействуют друг с другом в соответствии со свойственными им характеристиками (например, Мом – бог насмешки, Хилон – древнегреческий политик, мудрец, автор элегий, которому Эмин приписывает ещё и мастерство игры на лире).

Басни, в которых героями являются бытовые предметы – это явление характерное лишь для сочинения Эмина («Уксус и бутылка», «Лестница и скамейка», «Суп и ботвинья», «Варган, скрипица, волынка и гудок», «Корона и венец», «Колесница и соха», «Нож и вилка», «Блюдо и стакан», «Магнит и янтарь», «Столяр и креслы»). По своей направленности они мало чем отличаются от басен о животных или растениях, но сам факт того, что Эмин использовал совершенно новые сюжеты с персонажами, не имеющими аналогов, свидетельствует о его авторской оригинальности.

---

⁹² Баранов С. Ю. Примечания // Повести разумные и замысловатые. М., 1989. С. 661.

Последнее, что отметим, сопоставляя три сборника басен, опубликованные в первой половине 60-х гг. XVIII в., – это особенности фигуры повествователя. У Гольберга/Фонвизина нарратор не скрывает своего присутствия в тексте. Так, например, уже знакомая нам басня «Лисица и волк» начинается словами: «Выше сего описал уже я лисицыно лукавство, которое употребила она, обманывая крестьянина»⁹³. Это отсылка к басне № 4 «Лисица показывает опыт своего лукавства»⁹⁴. У Золотницкого тот же эффект достигается за счёт наличия пространных «изъяснений», в которых рассказчик задаёт риторические вопросы, использует местоимение «мы» и его падежные формы, объединяя тем самым себя с читателем. В сборнике Эмина нет ничего подобного, голос повествователя, помимо предисловия, появляемся лишь в одном случае, о котором речь шла выше.

Таким образом, данный анализ позволяет дать некоторое представление о том, чем же являлось опубликованное в 1764 г. сочинение Ф. А. Эмина, а также проследить, в чём были сходства и отличия его «Нравоучительных басен» и других современных им сборников прозаических басен. Особенно обращает на себя внимание разнообразие текстов, как с жанровой точки зрения, так и с содержательной. Создавая нравоучительное произведение, Эмин не забывал о том, что он должен привлечь внимание публики, дать ей нечто занимательное. Именно поэтому многие басни столь экзотичны для русского читателя. В них появляются персонажи и реалии восточной и европейской культур, которые были так хорошо знакомы Эмину (например, султан, визирь, дервиш, баржелл, альгвасил), действие постоянно перемещается в разные уголки мира: Марокко, Египет, римский город, Капитолийский музей, палуба корабля, дворец царя или султана, дом мясника, лес, поле или аптека. Сборник лишён однообразия и на уровне персонажей, и на уровне места действия.

---

⁹³ Фонвизин Д. И. Указ. соч. С. 337.

⁹⁴ Там же. С. 265.

Ольшевская и Травников писали в своей статье, что «у прозаической басни не было национального лица, в ней отсутствовали типично русские сюжеты и образы»⁹⁵, однако это не совсем так. Наряду с экзотизмами Эмин довольно часто использует чисто русские слова («подьячий», «лыко», «соха», «целовальник» и т.д.) и проявляет удивительную для иностранца осведомлённость в русском быте (например, описывает плетение лаптей⁹⁶, то, как вспахивается поле⁹⁷).

Как мы видим, тематические группы басен Эмина разнообразны. Некоторые из них не совсем характерны для сборников басен того времени. Мы имеем в виду, главным образом, группу басен на античную тему. Эти тексты выделяются тем, что представляют собой скорее пересказы определённых мифологических сюжетов, сближаясь таким образом с прозаическими произведениями других жанров (новелла, анекдот). Однако в большинстве своём тексты, названные Эминым баснями, соответствуют проблематике этого жанра, хотя для них и характерна развлекательность романно-новеллистического типа и чрезвычайное разнообразие героев, тем и форм.

По словам С. Ю. Баранова, автора вступительной статьи к сборнику популярной прозы XVIII в., куда он включил басни Эмина, «именно своей пестротой и разнообразием привлекали массового читателя произведения, построенные по типу сборника или альманаха»⁹⁸. В таком случае «Нравоучительные басни» являются ярким примером массовой литературы второй половины XVIII в. и неудивительно, что сборник выдержал два переиздания (в 1789 и 1793 гг.), ведь разнообразие является одной из самых ярких его черт. История этих переизданий представляет большой интерес, так как их особенности многое говорят о восприятии басен Эмина читателями.

---

⁹⁵ Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Указ. соч. С. 78.

⁹⁶ Басня 84 «Мужик и липа», с. 202.

⁹⁷ Басня 66. С. 139–140.

⁹⁸ Баранов С. Ю. Указ. соч. С. 18.

Кроме того, в переизданиях несколько по-новому начинает проявляться развлекательность басен.

Переиздания «Нравоучительных басен»

В 1789 году, спустя почти 20 лет после смерти автора, «Нравоучительные басни» были изданы повторно⁹⁹. Безусловно, это свидетельствует о том, что сочинение Эмина было востребовано у читателей, и, несмотря на то, что в это время выходили и другие сборники басен¹⁰⁰, эта книга по-прежнему могла занимать публику¹⁰¹.

Переиздание было осуществлено Петром Ивановичем Богдановичем¹⁰² (кон. 1740-х–нач. 1750-х–1803 г.). Богданович происходил из семьи обедневшего екатеринославского помещика, но получил образование в Европе, владел немецким, французским и английским языками, и по возвращении в Россию служил переводчиком, помощником библиотекаря, а затем и редактором при Академии наук. К 1780 г. он получает чин коллежского асессора. С 1779 г. Богданович начинает печатать книги своим «иждивением» в разных петербургских типографиях, а в 1787 г. заводит собственную типографию в доме Апайщикова. Всего он издал свыше 150 книг (среди которых сочинения Руссо и Фонвизина), занимался переизданиями, в том числе и произведений Ф. А. Эмина.

Очевидно, отчасти это было связано с тем, что в середине 1780-х гг. он познакомился с сыном писателя – Николаем Фёдоровичем Эминым, и в 1788

---

⁹⁹ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. Изд. 2-е. СПб., 1789. 196 с.

¹⁰⁰ Например, «Нравоучительныя басни и притчи» В. А. Левшина (М., 1787), третье издание «Басен нравоучительных» Л. Гольберга (М., 1787), второе издание книги А. Г. Мейснера «Собрание разных нравоучительных повествований и басен» (М., 1788), второе издание «Нравоучительных басен» В. И. Майкова (М., 1788), «Басни, в стихах и прозе, выбранные из лучших писателей» (М., 1788). Кроме того, вторым тиснением были напечатаны «Басни и сказки» Х. Ф. Геллерта (СПб., 1788) и переизданы «Притчи Синтипа философа» (М., 1789) – перевод сборника басен Эзопа. Как мы видим, в 1787–1789 гг. в России было издано довольно много сборников басен, что говорит о чрезвычайной популярности этого жанра. Между тем, большинство подобных сборников – это переиздания книг, выпущенных в 60-е гг., таким образом, второе издание «Нравоучительных басен» Эмина оказывается закономерным для своего времени явлением.

¹⁰¹ В 1793 году вышло третье издание басен Эмина: Эмин Ф. А. Нравоучительные басни / Изд. 3-е. СПб., 1793. 196 с. Оно было осуществлено «на иждивение» Ивана Петровича Глазунова (1762–1831). Помимо сборника басен Глазунов переиздал, например, «Путь ко спасению» Эмина и «Письмовник» Н. Г. Курганова.

¹⁰² В источниках можно найти разные варианты отчества Богдановича: Иванович и Фёдорович. Например, Словарь Брокгауза и Ефрона даёт обе версии (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 7. СПб., 1891. С. 159). Мы используем вариант, зафиксированный Н. Д. Кочетковой в «Словаре русских писателей XVIII века» (Кочеткова Н. Д. Богданович Пётр Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1988. С. 109).

г. напечатал его повесть «Роза». Одновременно с этим Богданович начинает интересоваться творчеством отца своего нового знакомого и переиздаёт несколько книг Ф. А. Эмина: роман «Награждённая постоянность, или Приключения Лизарка и Сарманды», «Нравоучительные басни» и журнал «Адская почта» под новым названием «Курьер из ада с письмами»¹⁰³. На титульных листах всех этих книг есть характерная подпись «На ижд. П. Б.» – эти инициалы были своеобразной издательской маркой Богдановича.

В те годы в России действовал Указ о вольных типографиях, изданный Екатериной II в 1783 г., поэтому любой желающий, подобно Богдановичу, мог приобрести печатный станок и, дав знать об этом в Управу благочиния, издавать любые книги. При этом цензурная проверка была минимальной, но осуществлялась той же Управой благочиния, то есть подчас не самыми компетентными людьми (полицмейстером, исправником)¹⁰⁴.

Второе издание басен Эмина интересует нас в первую очередь потому, что в нём имеются значительные расхождения с первым изданием. И, исходя из вышесказанного о состоянии цензуры в то время, маловероятно, что расхождения эти были связаны с возможностью запрета книги. На изменения, произошедшие в тексте, скорее всего, повлияли не только внешние факторы литературного быта, но и то, что в том виде, в котором сборник существовал в 1764 г., он уже не мог быть воспринят читателями спустя два с половиной десятилетия.

До сих пор исследователи не проводили сопоставительный анализ двух изданий, не описывали характер (и даже наличие) расхождений между ними, ограничиваясь лишь указанием на сокращение числа басен¹⁰⁵.

Изменения, предпринятые в переиздании, касаются как формальной, так и содержательной стороны текста. Во-первых, в книге 1789 г. отсутствуют

---

¹⁰³ Кочеткова Н. Д. Богданович Пётр Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1988. С. 110–112.

¹⁰⁴ Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892. С. 37–38.

¹⁰⁵ Так, например, поступил С. Ю. Баранов – автор примечаний и вступительной статьи к сборнику «Повести разумные и замысловатые: Популярная бытовая проза XVIII века». (М., 1989), в который вошли и «Нравоучительные басни» Эмина.

посвящение и предисловие. Довольно закономерно, что издатель опустил посвящение А. Г. Орлову, который к этому моменту уже не пользовался большим влиянием. Между тем, например, во втором издании «Приключений Фемистокла»¹⁰⁶ посвящение сохраняется, так как адресатом оказывается всё ещё правящая императрица Екатерина II. Посвящение Г. Г. Орлову перед вторым изданием «Непостоянной фортуны» также сохраняется, несмотря на то, что граф к этому времени уже впал в немилость. Возможно, это связано также с тем, что оба романа переиздавались в один год (1781) в Москве, в Университетской типографии Н. И. Новикова. П. И. Богданович опускает как посвящение, так и предисловие к читателям. Так же он поступает и с «Адской почтой», убирая обращения к «Госпоже Всякой всячине» и к читателю. Таким образом, из текста полностью уходит слово «издателя бесовских записок», но, вместе с тем, на титульном листе появляется имя автора – Ф. А. Эмина – которого в первом издании журнала не было.

В целом, изменения, коснувшиеся «Нравоучительных басен» и «Адской почты» при повторных изданиях носят схожий характер. Можно предположить, что Богданович в этих случаях выступал не только как издатель, но и как редактор текстов, которые он решил напечатать в своей типографии. В журнале Эмина Богданович не только меняет название и убирает предисловия – он подправляет орфографию, заменяет или вычёркивает некоторые слова, сокращает состав книги.

Столь вольное обращение с материалом для переиздания – это тоже особенность Богдановича. Известно, что в 1788 г. между ним и сыном Эмина произошла ссора «из-за не исправно напечатанной повести Н. Ф. Эмина „Роза“». Этот конфликт нашёл отражение на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей»¹⁰⁷. Автор «Розы» при этом уверял публику, что «второе оныя издание не токмо им не исправлено, но в отсутствии его

---

¹⁰⁶ Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла. М., 1781.

¹⁰⁷ Кочеткова Н. Д. Указ. соч. С. 112.

предано тиснению»¹⁰⁸. Если Богданович мог поступить так с произведением живого автора, то неудивительно, что он свободно исправлял текст покойного писателя.

В частности, во втором издании «Адской почты» «Ведомости из ада» (иносказательно описанные новости страны и мира в конце большинства выпусков) остаются только после первого выпуска. Это «новости», коснувшиеся прибывших в ад иезуитов и папы римского, а также некоего воеводы ** «без чести и совести» и ревнивца Астурия¹⁰⁹. Однако «Адские ведомости» из сентябрьского выпуска издатель опускает. В них сатирически изображался Вольтер, маркиза де Помпадур, Франция и Испания. Можно было бы предположить, что Богданович исключил наиболее остро политические фрагменты, однако в убранных «ведомостях» октябрьского выпуска речь снова идёт об иезуитах, евреях и рядовых иностранцах¹¹⁰. Кроме того, из журнала исчезают критическое письмо «Господина Правдолюбова» и ответ на него издателя, а также некоторые письма и весь августовский выпуск. Об этом упоминал П. Н. Берков в «Истории русской журналистики XVIII века», говоря о том, что письма из августовского выпуска «Адской почты» не только отсутствуют в двух переизданиях, но и остались не во всех экземплярах журнала. Учёный предполагал, что либо августовская книжка была уничтожена, либо запрещена цензурой, так как в ней, помимо ещё одного письма ко «Всякой всячине» (содержащего полемические высказывания о сатире) мог быть «ещё какой-то материал, безобидный на наш взгляд и криминальный в условиях 1769г.»¹¹¹ Таким образом, второй выпуск журнала, будучи труднодоступным, мог просто не попасть в руки Богдановичу и поэтому не войти в переиздание. Однако, как обращал внимание Берков, издатель не печатает некоторые

---

¹⁰⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1788 г. С. 1271. 31 октября.

¹⁰⁹ Эмин Ф. А. Адская почта. СПб., 2013. С. 84–89.

¹¹⁰ Там же. С. 266–273.

¹¹¹ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 262.

письма и из других выпусков, а во многих письмах обнаруживаются пропуски и замены имён упоминаемых лиц¹¹². Вероятно, отчасти это было связано с осторожностью и нежеланием столкнуться с проблемами со стороны цензуры. Всё-таки сатирический журнал, многие персонажи которого имели реальных прототипов, мог привлечь более пристальное внимание проверяющих, чем басни или роман. Так, например, в пропущенном Письме 5 есть довольно дерзкая фраза Кривого беса: «Теперь тебя только о том уведомлю, что есть надежда и нам писать повольнее, когда пишутся “Трутень” и “Смесь”. Ничего “Всякая Всячина” лучше затеять не могла, как сделаться начинщицею журналов»¹¹³. Завершается же письмо словами: «Пусть себе бранятся – мы будем делать своё»¹¹⁴. Речь здесь идёт о «господах сочинителях». В итоге из 112 писем во втором издании «Адской почты» остаётся лишь 83.

Состав сборника басен Эмина при переиздании П. И. Богдановичем также претерпел значительные изменения, но их, в отличие от случая с журналом, сложно оправдать опасениями перед цензурой. Вместо 120 басен во втором издании мы находим 75, а точнее даже 74, так как басня «Сокол и ластовица» повторена дважды¹¹⁵. При этом порядок следования басен друг за другом остался прежним, но после басни «Вор, скупец и ехидна» и следующей второй редакции басни «Сокол и ластовица» сборник заканчивается. Нет оснований предполагать, что басни, располагавшиеся ближе к концу сборника, не были включены в переиздание по каким-то цензурным причинам или даже из-за субъективного выбора Богдановича, так как они не отличаются от остальных текстов ни по тематике, ни по форме. Сокращение было чисто механическим и, возможно, вызвано необходимостью в уменьшении объёма книги (примерно в половину). Более интересным

---

¹¹² Там же.

¹¹³ Эмин Ф. А. Адская почта. СПб., 2013. С. 42.

¹¹⁴ Там же. С. 43.

¹¹⁵ Вторая редакция басни со стилистическими изменениями, не коснувшимися самого сюжета, приводится в конце сборника под номером 77.

оказывается факт пропуска двух басен в середине сборника. Одна из них называется «Момус и Хилон» (с. 118–120) и в первом издании книги была под номером 54. Отсутствие этой басни не может быть связано с тем, что, например, была утрачена страница в книге, которой пользовался Богданович, так как текст басни располагается на страницах так, что пересекается с текстами соседних басен. Однако и содержание басни также, казалось бы, не даёт повода исключить её из сборника. Это одна из басен на мифологический сюжет, в ней рассказывается история о том, как у греческого бога насмешки и злословия Момуса¹¹⁶ не получилось сорвать мнимую маску с Хилона¹¹⁷. В гневе он попросил Аполлона выгнать Хилона с Парнаса, но тот ответил, что Хилон лучше играет на лире и поэтому нужнее, чем сам Момус. В ответ на это Момус стал везде плохо отзываться об Аполлоне. Мораль басни такова: «Безумного и Юпитер не может уверить о его невежестве» (с. 120). Примечательно, что к этой басне Эмин в сноске даёт для читателей справку о том, кто такой Момус. Вторая пропущенная басня – это басня «Чорт, сатана и целовальник». В первом издании она находилась под номером 65 (с. 135–139). Это довольно длинная история с развёрнутым сюжетом, в которой рассказывается о том, как молодые чиновники чёрт и сатана сначала хвастались в кабаке своим происхождением, а потом были побиты за то, что не смогли заплатить. В драке им оторвали воротники, после чего оба пришили к своим платьям по два лацкана, чтобы, если один оторвут, оставался хотя бы второй воротник. Затем протоколист сатана становится ассессором, женится, ссорится с женой, уходит к калмычке, которая взяла его под свою власть. В итоге сатане пришлось выдать её замуж за барабанщика и дать за ней богатое приданое 100. В целом, басня полна сатирических выпадов в сторону чиновников. Возможно, это и стало причиной, по которой она была исключена из сборника. Вторая возможная причина в том, что

---

¹¹⁶ Мом (др.-греч. Μῶμος) – греческий бог насмешки и злословия (Краткий словарь античности. М., 2001. С. 150)

¹¹⁷ Хилон – древнегреческий политический деятель и поэт из Спарты, причисляемый к семи греческим мудрецам (Краткий словарь античности. М., 2001. С. 230)

основные персонажи – это чёрт и сатана, а нам уже известен случай, когда издатель вычеркнул из текста лишнее употребление слова «сатана».

В большинстве из оставшихся 74 басен произошли изменения различного рода. В первую очередь, заметна правка текста с точки зрения орфографии и пунктуации. Подобная правка, вероятно, была связана с тем, что в 1764 г. Эмин, будучи иностранцем, ещё не в совершенстве владел русским языком и допускал ошибки. Кроме того, Богданович¹¹⁸ скорее всего редактировал текст в соответствии с современными ему нормами письма или руководствуясь своими собственными представлениями об орфографии.

Так, например, издатель убирает лишнюю запятую в предложении: «... после сего растерзал волк лисицу, и съел»¹¹⁹, исправляет опечатку в слове «сусед» (с. 41), заменяет устаревшее «сродственники» (с. 68) на более современное «родственники»¹²⁰. Подобные изменения коснулись даже названий басен, например, слово «заиц» в названии басни «Заиц и олень» (с. 88) меняется на «заец»¹²¹, а «ехидня» в басне «Вор скупец и ехидня» (с. 155) – на «ехидна»¹²². «Ботвинья» (имя существительное женского рода) из басни «Суп и ботвинья» (с. 130) заменяется на «ботвинье»¹²³.

В басне «Изгнанный преступник, ищущий правды» Богданович меняет фразу «сатир повторил» (с. 32) на фразу «сатир сказал», что в данном случае более точно отражает смысл эпизода, потому что сатир действительно ничего не повторяет. Внимательный издатель устраняет эту неточность.

---

¹¹⁸ Предполагается, что вся правка была осуществлена самим издателем – П. И. Богдановичем, так как нет сведений, указывающих на других возможных редакторов текста.

¹¹⁹ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. СПб., 1764. С. 23. Далее ссылки на это издание будут даны в скобках с указанием номера страницы.

¹²⁰ Вывод о том, что слово «сродственник» устарело ко времени второго издания басен, мы делаем на основании того, что в «Словаре Академии Российской» оно отсутствует, в отличие от слова «родственник» (САР. Ч. V. СПб., 1794. С. 35).

¹²¹ В «Словаре русского языка XVIII века» дано три возможных варианта написания слова «заяц», однако в третьей части «САР», вышедшей в 1792 г. фиксируется уже только современный вариант – «заяц» (САР. Ч. III. СПб., 1792. С. 21).

¹²² Написание «ехидна» соответствует норме, зафиксированной в «САР» (САР. Ч. II. СПб., 1790. С. 1026).

¹²³ В «САР» приводятся оба варианта без помет (САР. Ч. I. СПб., 1789. С. 300).

Особого внимания заслуживает случай, когда правка издателя наоборот оказывается ошибочной. В басне «Подьячий и портной» (с. 48–50) автор называет подьячего «фалилеем»: «“Нет, вы преестественные воры”, – приняв на себя подьяческий вид, говорил крюкотворным красноречием сей *фалилей*» (с. 49). «Фалилей» в данном случае – это имя нарицательное, обозначающее невежественного человека¹²⁴. Богданович исправляет написание этого слова на «Фалелей», очевидно, имея в виду имя собственное, которое первоначальном варианте не подразумевалось.

Часть исправлений касается замены некоторых слов на синонимичные. Приведём несколько примеров:

Нравоучительные басни. СПб., 1764	Нравоучительные басни. СПб., 1789
« <i>Большой</i> злодей тот, который под видом добродетели зло делает». (С. 44)	« <i>Велик</i> злодей тот, который под видом добродетели зло делает». (С. 58)
«Неумеренная храбрость самой себе <i>вредительна</i> » (С. 62)	«Неумеренная храбрость самой себе <i>вредна</i> » (С. 80)
«схватил <i>палку</i> и начал колотить бродягу по бокам» (С. 63)	«схватил <i>дубину</i> и начал колотить бродягу по бокам» (С. 81)
« <i>сделало</i> бедным» (С. 68)	« <i>учинило</i> бедным» (С. 87)
«квартира» (С. 70)	«храмина» (С. 90)
«пророка посадили в <i>шалных</i> дом» (С. 74)	«пророка посадили в дом <i>безумных</i> » (С. 96)
«славы желатели» (С. 152)	«славолюбцы» (С. 189)

Как мы видим, издатель производил замены, руководствуясь своими стилистическими предпочтениями, и в большинстве приведённых случаев

¹²⁴ В словаре В. И. Даля даётся отсылочное толкование к слову «фалалей» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб.; М., 1882. С. 546.). Оно оказывается синонимичным слову «фаля» со значением «простак, простофиля, разиня; пошляк, самодовольный невежа» (Там же. С. 547.) В «САР» слово «фалалей» не зафиксировано, но так же присутствует слово «фаля» почти с тем же значением, что и в словаре Даля – «непроворный, бестолковый, непредусмотрительный человек» (САР. Ч. VI. СПб., 1794. С. 481.)

выбирал более яркое и стилистически маркированное слово, взамен нейтральному варианту оригинала.

В басне «Изгнанный преступник, ищущий правды» герой встречает сатира и задаёт вопрос: «Можно ли стать, чтоб в *сатане* была правда?» (с. 32). Во втором издании эта фраза, обращённая к сатиру, звучит как: «можно ли стать, чтоб в *тебе* была правда?»¹²⁵. Возможно, Богданович произвёл замену, потому что, в отличие от Эмина, не считал, что сатир и сатана – это одно и то же. Или же не захотел, чтобы в тексте упоминалось имя сатаны. В ещё одной басне редактор унифицирует названия персонажа, заменяя словосочетание «Африканский Король» (с. 69) на уже встречавшееся ранее в тексте «Африканский царь».

Этим Богданович не ограничивается в своём стремлении сделать текст Эмина более грамотным, выразительным и корректным. Издатель старается также сгладить наиболее острые смысловые углы произведения – то, что показалось ему неуместным.

Например, иное значение приобретает мораль басни «Устерс и улитка». У Эмина она выглядела так: «Кто безрассудно женится, тот один только день *жену любит*, то есть: тот день, в который играет свадьбу» (с. 21). Во втором издании: «Кто безрассудно женится, тот один только день *бывает счастлив*, то есть, в тот день, в который играет свадьбу»¹²⁶. Более обобщённой оказывается после правки и мораль басни «Птица Бусел». Сравним:

«Кто безрассуден и злонравен в своем отечестве, того *Париж* умным и добродетельным не сделает». (с. 52) – в первом издании.

«Кто безрассуден и злонравен в своем отечестве, того *никакое место* умным и добродетельным не сделает».¹²⁷ – во втором издании.

---

¹²⁵ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. СПб., 1789. С. 42 – 43.

¹²⁶ Там же. С. 29.

¹²⁷ Там же. С. 69.

Вероятно, упоминание жён и Парижа показались редактору слишком резкими и некорректными, поэтому он отдаёт предпочтение более общим фразам.

Принципиальная позиция издателя выражается в том, что он по возможности убирает из «Нравоучительных басен» намёки на негативное отношение к философии и философам.

Так, например, претерпевает значительные изменения мораль басни «Земледелец и бродяга». По сюжету бродяга ворует пшеницу и на упрёки земледельца отвечает: «Мы трудимся для других. Натура почти всему определила быть не для себя», – пытаюсь таким образом оправдаться (с. 63). Приведём первоначальный вариант морали полностью:

«Вор и *Философ* все почитают за общественное, однако ни одному из них *Философия* не помогает; один, почитая все за свое, ничего не имеет; а другого со всеми его *Философскими* мыслями вешают». (с. 64)

Во втором издании упоминания о философии полностью убираются:

«Вор и мудрец все почитают за общественное, однако сие ни одному из них не помогает; один, почитая все за свое, ничего не имеет; а другого обыкновенно вешают или кнутом секут»¹²⁸.

В басне «Лебедь и выдра» выдра напала на беззаботно поющего лебедя, после чего начала рассуждать о неизвестности будущего и не заметила ловца, который её убил. Фразу «начала рассуждать философически» (с. 113) Богданович сокращает до «начала рассуждать, что...»¹²⁹. Можно заметить, что у Эмина философствующие персонажи всегда отрицательные и их отвлечённые речи им никак не помогают (вор в итоге был побит земледельцем) и даже приводят к их собственной гибели. Очевидно, во времена Богдановича философия перестаёт быть объектом иронии и сатиры, поэтому в баснях Эмина он старается нивелировать эту ставшую неактуальной тему.

---

¹²⁸ Там же. С. 82.

¹²⁹ Там же. С. 148.

До этого речь шла преимущественно о заменах, которые произвёл редактор второго издания «Нравоучительных басен». Однако в этом тексте имеются также значительные сокращения по сравнению с первоначальным вариантом.

В некоторых случаях издатель вычёркивает отдельные слова. Например, фразу из басни «Щастие и разум» «...пир начался в большом зале» (с. 73) сокращает до «...пир начался»¹³⁰. Хотя в данном случае это не очень оправданное сокращение, так как изначально «большой зал» противопоставлялся «царевниной спальне», куда отвели молодожёнов.

В басне «Барсук и осёл» был такой фрагмент диалога: «Знаю, что вы господин Подскарби и Комиссар, отвечал Осел» (с. 101). Во втором издании от него осталось лишь: «Знаю, отвечал Осел»¹³¹. Названия двух должностей, которые занимал барсук, могли показаться издателю лишними в связи с тем, что в вопросе барсука к ослу уже прозвучало, что он член собрания, потому смысл от такого сокращения не терялся.¹³²

Ещё одно небольшое сокращение могло быть связано с тем, что фраза «ибо немало труда требует украсить старуху или гадкую тварь» (с. 107) из басни «Чёрт и старуха» выглядела слишком грубо, кроме того, речь в тексте шла только о старухе. В итоге словосочетание «гадкая тварь» было вычеркнуто¹³³. В этой же басне издатель сокращает финал, заменяя большой абзац одним предложением: «Адский старшина <...> отозвал странствующего чорта, приказав от старухи все богатство отобрать» (С. 142 – 143). Между тем, в этом фрагменте было описано возвращение чёрта в ад, а также то, что он просрочил отпуск, но прочие черти попросили не лишать его чина, поэтому он лишь получил «реприманд» от Люцифера. Кроме того, здесь рассказывалось о том, что, когда у старухи отобрали всё богатство, она была

---

¹³⁰ Там же. С. 94.

¹³¹ Там же. С. 132.

¹³² Подскарбий – это «древний чин в Польше и Литве, соответствующий нынешнему казначею» (Подскарбий // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 47. СПб., 1898. С. 111). В более ранних словарях это слово не зафиксировано – возможно, Богданович его не знал и ещё и по этой причине решил убрать.

¹³³ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. СПб., 1789. С. 140

вынуждена стать прислугой и с тех пор все бедные старухи выполняют эту должность (с. 109). Как мы видим, значительная часть сюжета была сокращена издателем по неизвестной причине.

Не меньшее сокращение претерпела уже упоминавшаяся басня «Изгнанный преступник, ищущий правды». В ней преступник странствует по свету в поисках правды и однажды приходит в деревню, где всем заправляют бывший дворецкий и жрец. Дворецкий когда-то сам был крестьянином, но, став лакеем, «в городе научился быть плутом», а затем барин прислал его в деревню управителем. Обо всём этом преступнику рассказал крестьянин, и во втором издании их разговор обрывается на этом месте и преступник уходит. Однако в авторском варианте басни крестьянин описывает, чем занимается в деревне жрец. Приведём этот фрагмент целиком:

«Он <управитель> познакомился с нашим жрецом, с которым каждый день вино пьют и нас обижают. А когда мы барину жалуемся, тогда он велит своему писарю написать от себя и от жреца к барину письмо, в котором нас же обвиняют; а жрец, хотя и не знает, что в оном письме написано (ибо он скорописи читать не может, а печатного очень мало), подписывается на оном в угождение своему товарищу. Барин, им поверяя, нас же велит высечь. Вот какая в деревнях Правда, – окончил свою речь мужик, – и ты её никогда в таких местах не ищи» (с. 40).

В данном отрывке остро поднимается тема пьянства и малограмотности священнослужителей, поэтому, вероятно, либо Богданович посчитал неприемлемым включать его в издание, либо он был убран при проверке Управой благочиния.

Ещё один фрагмент, опущенный издателем в этой басне, касается темы тщеславия, гордости и лукавства учёных людей. Преступник наконец встречает Правду в образе нищего старика-пустынника. Не веря своим глазам, он говорит Правде, что на свете много знатных и богатых мудрецов, которые могли бы её «содержать благопристойно». Но Правда отвечает, что учёные люди – её «главные неприятели», что «чрез учёность они навывают

быть лукавыми и хитрыми» и поэтому втайне её ненавидят. Далее следует часть текста, которая отсутствует во втором издании. Приведём этот отрывок:

«Ежели хочешь знать Правду, то я тебе сказываю, что большие несчастья от учёных людей происходят, и очень редко случается, чтобы учёный человек был добродетелен. От учёности рождается тщеславие и гордость, от тщеславия и гордости происходит зависть, которая всего зла источник» (с. 41).

Сокращая этот фрагмент, автор, если не полностью убирает из сборника басен негативные высказывания об учёных людях, то всё же несколько сглаживает эту щепетильную тему.

Можно предположить, что той же логике подчиняется правка басни «Фигляр и профессор» (с. 54–58). В первоначальном варианте объектом сатирического изображения, как это ни странно, оказывался в большей степени именно профессор. По сюжету он был приглашён в дом фигляра, где показывались механические куклы и собралось много знатных гостей. За просмотр кукол фигляр собирал деньги, поэтому профессор был вынужден отдать последнюю полтину, которую фигляр к тому же принял с презрением. Возвращаясь домой, профессор рассуждал о том, что «ныне фиглярство гораздо в большей чести», а он много трудится, но иногда не зарабатывает в день и полтины. Вторая часть басни повествует о том, как жена выбранила и побила профессора за потерянные деньги, а он сбежал от неё в библиотеку. При этом герой изображается сатирически: например, на упрёки жены он отвечает силлогизмами на латыни. Однако во втором издании эта часть басни отсутствует – текст заканчивается сетованиями профессора по дороге домой. Кроме того, убраны ещё некоторые фрагменты. Так, когда профессор получает приглашение от фигляра, он рассуждает так:

«...конечно он <фигляр> узнал, что я учёный человек (ибо многие господа учёные думают, что профессорство их на челе начертано и всем видно), и для того со мною познакомиться намерен» (с. 55).

Издатель опускает ироничную фразу в скобках. Так же, как и весь фрагмент о том, что профессор не увидел из-за толпы ни одной куклы и что фигляр взял его полтину с презрением. (с. 56–57)

Таким образом, профессор оказывается гораздо более симпатичным персонажем, чем это было изначально. Без сатирических замечаний о нём и истории с женой он вызывает скорее сочувствие, что противоречит морали басни: «Учёность непросвещённая политикою и обхождением с разумными людьми часто уподобляется глупости» (с. 58).

Между тем, сатирическое изображение учёных людей характерно для творчества Эмина. На это в несколько утрированной форме указывал А. В. Западов, замечая, что писатель «доводил до крайности неверно истолкованную им философию Руссо, отрицая вообще значение науки и ценность знания»¹³⁴.

Сокращения коснулись даже такого важного элемента басни, как мораль. Во втором издании сборника мораль отсутствует у басни «Волк, скупец и ехидна». Она звучала так: «Скупой поймал змея, а скупого чёрт» (с. 157). Эта фраза довольно точно отражает суть басни, в которой волк утащил овечку скупца, тот в расстроенных чувствах убил ехидну, чтобы продать её аптекарю, а затем племянник, чтобы завладеть его деньгами, убил самого скупца. То есть зло скупца в итоге обратилось на него самого, так как нашёлся ещё более ненасытный скупец. Однако издатель, очевидно, решил, что мораль, выраженная метафорой, ничего не добавляет к метафорической истории – не поясняет её.

Сборник завершается вторым вариантом басни «Сокол и ластовица». Правка, которую претерпел этот текст, характерна для второго издания сборника басен Эмина, поэтому для наглядности приведём полностью обе «редакции»¹³⁵:

---

¹³⁴ Западов А. В. Указ. соч. С. 261.

¹³⁵ Пропущенные или переставленные во втором издании (по сравнению с первым) слова для удобства выделим курсивом.

Нравоучительные басни. СПб., 1764. С. 147.	Нравоучительные басни. СПб., 1789. С. 183 – 184.
<p>«Сокол, имея в когтях <i>своих одну</i> добычу, гонялся за другою. Он, увидя несущую перышко в гнездо свое ластовицу, погнался за нею; но ластовица убежала <i>от него</i> и спряталась под кровлю <i>в своё гнездо</i>. <i>Лакомый</i> и хищный сокол не хотел улететь из того двора, под <i>которого кровлю</i> спряталась ластовица, <i>и на одном месте</i> на воздухе носился, дожидаясь, не вылетит ли из-под кровли ластовица. У хозяина одного дома были молодые цыплята, и он опасаясь, чтоб сокол не унес его цыпленка, застрелил сокола из ружья, <i>и он</i> не пользовался и тою добычею, <i>которую</i> имел уже в своих когтях».</p>	<p>«Сокол, имея в когтях добычу, гонялся за другою. Он, увидя несущую перышко в гнездо свое ластовицу, погнался за нею; но ластовица убежала и спряталась под кровлю. Хищный сокол не хотел улететь из того двора, под кровлю которого спряталась ластовица, на воздухе носился, дожидаясь, не вылетит ли из-под кровли ластовица. У хозяина одного дома были молодые цыплята, и он опасаясь, чтоб сокол не унес его цыпленка, застрелил сокола из ружья, который не пользовался и тою добычею, что имел уже в своих когтях».</p>

Мы видим, что среди исправлений преобладают сокращения избыточной информации, а также незначительные перестановки. Цель подобной правки, очевидно, заключалась в том, чтобы сделать текст более стройным и приятным для чтения. Однако, помимо этого, редактор также убирает мораль басни, которая выглядела так: «Завистливый человек всегда гоняется за чужим добром, но наконец теряет и собственное» (с. 147). Хотя в первом случае, когда басня появляется в переиздании, мораль приводится¹³⁶.

¹³⁶ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. СПб., 1789. С. 173.

Суммируя наблюдения, можно отметить, что вся эта разнообразная правка басен Эмина была направлена в первую очередь на улучшение восприятия текста читателями (исправление орфографии, пунктуации, замена лексики, сокращение избыточных фрагментов), а также на то, чтобы ослабить сатирический элемент басен.

Кроме того, во втором издании «Нравоучительные басни» становятся больше похожи на сборник коротких занимательных историй. Это происходит во многом за счёт того, что сборник лишается предисловия и посвящения, в которых автор говорил о том, каково назначение этого сочинения. Таким образом, после 1789 года в руки читателям попадает уже не совсем то произведение, которое было опубликовано Эминым. Примечательно, что в те же годы, помимо сборников басен, массово переиздаются и другие произведения похожего содержания. Так, например, пользуется популярностью «Письмовник» Н. Г. Курганова¹³⁷, в котором «Присовокупление второе» составляют «Краткие замысловатые повести»¹³⁸. Первое издание этой книги называлось «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей»¹³⁹. В этом названии для нас важна характеристика «полезнозабавные». Короткие тексты, входившие в состав «Присовокупления второго»¹⁴⁰ очень разнообразны по жанрам и содержанию: среди них есть и исторические анекдоты, и анекдоты в современном понимании, и небольшие новеллы. Героями их являются как абстрактные «мужик», «старик», «стряпчий», «некто», так и исторические персонажи (Сократ, Диоген, Людовик XIV, Франциск I, Генрих VIII).

---

¹³⁷ С 1769 по 1837 г. вышло 11 изданий.

¹³⁸ Курганов Н. Г. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия. СПб., 1788.

¹³⁹ Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие... СПб., 1769.

¹⁴⁰ В разных изданиях количество «замысловатых повестей» варьируется. Например, в издании 1802 г. их 353.

Некоторые «повести» носят чисто развлекательный характер и зачастую построены на остроумных ассоциациях и игре слов. Например, анекдот о философе, который взял в жёны карлицу и на вопрос друзей о причинах такого поступка ответил, что «заблагорассудил выбрать из зол самое меньшее»¹⁴¹. Или же история о мореходце, ответившем на вопрос о том, какое морское судно безопаснейшее, что это то, «которое уже в гавани назначено в ломку»¹⁴². Обратим внимание, что и в сборнике Эмина также была басня, всё содержание которой сводилось к остроумным и неожиданным ответам некоего дервиша на вопросы царя¹⁴³. Кроме того, и у Эмина, и у Курганова есть истории, рассказывающие о происхождении чего-либо на основании легенд и мифов. Например, Курганов приводит историю о леди Годиве и в конце добавляет, что с тех пор в городе Ковентри, стоит статуя «в образе смотрящего человека» в память о том любопытном гражданине, который осмелился посмотреть на Годиву¹⁴⁴. У Эмина есть басня, в основе которой миф о Марсе и его друге Алектрионе и которая рассказывает о том, почему петух поёт по ночам¹⁴⁵, а также басня «Чёрт и старуха», в которой говорится о том, что это чёрт впервые сделал для женщин белила и румяна, и почему бедные старухи обычно кому-нибудь прислуживают. Подобные истории не только развлекательные, но и направлены на расширение кругозора читателя. В то же время среди «повестей» есть и тексты с ярко выраженной моралью. Например, история о том, как именитый судья попрекал происхождением «славного витию», который вышел из подлого сословия, заканчивается фразой «Подлая природа такого человека не унижает, но возвышает блистание его качеств»¹⁴⁶. В

---

¹⁴¹ Курганов Н. Краткие замысловатые повести из «Письмовника» // Ванька Каин. М., 2008. С. 199.

¹⁴² Там же. С. 179.

¹⁴³ Эмин Ф. А. О египетском царе // Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. СПб., 1764. С. 158–161.

¹⁴⁴ Курганов Н. Указ. соч. С. 277.

¹⁴⁵ Эмин Ф. А. Марс, Алекторион и Вулкан // Эмин Ф. А. Указ. соч. С. 124–127.

¹⁴⁶ Курганов Н. Указ. соч. С. 190.

другой «повести» «благоразумная девица» говорит подругам, что «всех приятнее» красота, «коя происходит от стыдливости»¹⁴⁷.

Даже такое беглое сравнение демонстрирует схожесть двух сборников. В первую очередь их роднит то, что издателями – и, вероятно, читателями тоже – они воспринимались как собрания «полезнозабавных» коротких историй, которые одновременно и развлекают, и обращают внимание на распространённые пороки, и показывают положительные примеры поведения. Если при жизни Эмина басни были изданы автором в форме именно басен и вписывались в эту традицию, то посмертное издание начинает существовать уже в более широком контексте современной ему беллетристики. В данном случае басни мало чем отличаются от тех же «замысловатых повестей», и по форме, и по содержанию, и по прагматике напоминая именно их. Слово «басня» теряет своё жанровое значение и на обложке сочинения Эмина выглядит как одно из обозначений краткого «полезнозабавного» рассказа. Об этом можно судить ещё и потому что к 1780-м гг., в отличие от 1760-х, басня уже в большей степени сформирована как жанр и её развитие идёт по пути стихотворной басни, а не прозаической. Поэтому прозаические басни в это время оказываются ближе к сборникам анекдотов и всевозможных историй, чем к стихотворным басням.

---

¹⁴⁷ Там же. С. 196.

Глава 3. Роман, басни и сатирический журнал Ф. А. Эмина

Подробно рассмотрев «Нравоучительные басни» Эмина и сделав выводы о том, что данная форма позволяла автору в полной мере реализовать свою установку на дидактику и развлекательность в пределах одного текста, обратимся к произведениям других жанров.

Напомним, что Ф. А. Эмин вёл чрезвычайно активную литературную работу, в одни и те же годы создавая произведения, совершенно разные по жанру. Практически одновременно он писал роман и басни (1764 г.: «Награждённая постоянность, или приключения Лизарка и Сарманды» и «Нравоучительные басни»), издавал сатирический журнал, составлял историю и писал душевспасительное сочинение (1769 г.: «Адская почта», «Российская история» (Т. 3), «Путь ко спасению» (издано посмертно в 1780 г.)). В связи с этим возникает вопрос, насколько чётко автор соблюдал жанровые границы и не повторялся ли он от текста к тексту, заимствуя сам у себя сюжеты, мотивы и формальные решения. В случае положительного ответа важно определить, что именно повторяется, в каких произведениях, и есть ли в этом логика, позволяющая сделать выводы об особенностях литературной позиции Ф. А. Эмина.

В качестве основного материала для сравнительного анализа будет использован сборник «Нравоучительные басни Ф. Эмина», как, с одной стороны, наименее изученное произведение автора, а с другой стороны – произведение, в котором, на наш взгляд, достаточно полно и наглядно реализованы его творческие установки. Сначала басни будут сопоставлены с дебютным романом Эмина «Непостоянной фортуной». Роман – это основной жанр, в котором писал Эмин, его точка зрения на то, как и зачем следует писать романы, наиболее изучена и ясна. Кроме того, именно с создания и переводов романов Эмин начал свою писательскую деятельность. Поэтому представляется продуктивным выяснить, какое влияние оказывал опыт Эмина-романиста на его последующее дидактическое сочинение – басни. Затем в данной главе мы обратимся к сатирическому журналу «Адская почта», как одному из последних произведений Эмина и, кроме того, на наш

взгляд, довольно близкому по форме и содержанию к сборнику басен. Подобный анализ позволит выявить переключки между произведениями Эмина разных жанров и лет, а также проследить, как этот автор в разное время использовал присущие ему приёмы, сюжеты и формы.

«Нравоучительные басни» и «Непостоянная фортуна»

Очевидно, делая басни более увлекательными, Эмин использовал свои навыки романиста. Не случайно в сборнике прослеживается связь с дебютным романом автора – «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда» (1763). Так, например, одна из басен сборника имеет сюжетные совпадения с этим романом.

Это басня № 32 «Щастие и Разум»¹⁴⁸, мораль её такова: «Щастие не поможет, когда ума нет»¹⁴⁹. Сюжет басни вполне соответствует этому выводу. Начинается она со ссоры Щастия и Разума: «Щастие будучи не довольно строгим правлением Разума, поссорилось с оным, и они один на другого жаловались богатому и разумному мещанину, который ими владел» (с. 66). После страшных угроз Щастия («коль скоро я от тебя отойду, то бедствие тебя окружит, скот твой падёт, дети помрут, богатство погибнет и слава твоя вовсе исчезнет» (с. 67)) мещанин сделал выбор и отпустил от себя Разум. После этого «мещанин впал в великие беспорядки лишившись разума» (с. 68). Родственники отняли имение у безумного, отправили его в деревню и велели только кормить. Счастье, чувствуя вину, «не преминуло наградить его утрату»: мещанин нашёл большой брильянт в лесу, «но не зная, к чему его употребить, обшил его парусиною и сделал пуговицу к своим штанам». Когда же он пахал землю, выкопал большой кусок золота, но «почитая оной металл за негодный камень, свалил его с своей пашни на чужую, чтоб ему пахать не мешал» (с. 68).

---

¹⁴⁸ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни Фёдора Эмина. СПб., 1764. С. 66–74.

¹⁴⁹ Там же. С. 74. Далее ссылки на страницы этого издания будут даны в тексте.

На этом моменте басня могла бы быть завершена, так как читатель уже вполне убеждён, что без разума счастливым быть невозможно. Однако большая часть текста ещё впереди, и она представляет собой странный аналог романа: сильно сжатый, но всё-таки узнаваемый. Поняв, что совершило ошибку, и желая всё-таки помочь безумцу, «Щастие возбудило в нём желание, чтобы он оставя свою землю отправился в Африку, где сумасшедших почитают за пророков». Мещанину повезло: «Африканцы почли его за своего угодника, и начали целовать руки и края платья его, прося, чтоб он молился за них Магомету» (с. 69). Местный Царь, услышав о пророке, позвал его на обед, где Царевна, конечно же, по законам романа влюбилась в героя. Потом Щастие нашло мещанину хитрого товарища, «посредством которого хотело безумца сделать первым человеком в Марокке» (с. 70). Хитрец выдал себя за толмача пророка и за него дал согласие на брак с Царевной. Одурманенный курительной травой безумец не противится свадьбе. «По окончании венчального обряду повели безумнаго в Царевнину спальню по тамошнему обыкновению». Безумец подумал, что его не обнимают, а душат и закричал «Караул!». Толмач, поджидавший за дверью, убедил Царевну, что ещё не время пророку разговаривать с ней и попытался в темноте подменить пророка, но царевна его заставила уйти и закрылась. Затем, целуя, она случайно укусила супруга за лицо. Тот поднял крик и оттолкнул Царевну, которая ударилась и закричала тоже. На шум сбежались люди и «узнали, что их угодник был сумасшедший, а его толмач великий плут». «Меж тем Щастие убежало от безумнаго, видя, что ему никак пособить не можно». Толмача повесили, а пророка посадили в «шалных дом» (с. 74).

Столь подробный пересказ басни нужен здесь для того, чтобы показать, насколько схож её сюжет с сюжетом любого романа о похождениях героя. Здесь присутствует и путешествие в экзотическую страну (даже уточняется, что это Марокко), и любовь дочери местного правителя, и мнимый помощник-плут. Кроме того, вторая, «авантюрная» часть басни во многом

перекликается с одним из эпизодов романа «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда», когда главный герой, чтобы беспрепятственно продолжить свой путь через территорию Марокко, притворяется сумасшедшим и оказывается принят за святого.

<p>«Непостоянная фортуна». Ч. 1. (СПб.,1763)</p>	<p>«Щ а с т и е и Р а з у м» // «Нравоучительные басни Фёдора Эмина» (СПб., 1764)</p>
<p>«<Мирамонд> Показывал наибольшие святости своей доводы. Терзал на себе платье, показывая на лице своём великий гнев, кричал страшным голосом как сумасшедший, каковых они <жители Марокко> за святых почитают, метался как бешеный в ту и другую сторону». С. 47.</p> <p>«Пал на землю, кричал, стонал, говорил громко, но так скоро и невнятно, что никто его разуместь не мог». С. 47–48.</p>	<p>«И так Щастие возбудило в нём <мещанине> желание, чтобы он оставя свою землю отправился в Африку, где сумасшедших почитают за пророков». С. 69.</p> <p>«<Мещанин> начал кричать и прочия сумасбродства делать».</p> <p>«Африканцы почли его за своего угодника, и начали целовать руки и края платья его, прося, чтоб он молился за них Магомету». С. 69.</p>
<p>«Иные твердили, что язык, которым он говорит и которой нам невразумителен, есть тот, на котором святые с Богом разговаривают, и коего смертные разуместь не могут». С. 48.</p>	<p>Царь, «не разумея, думал, что он говорит притчами». С. 70.</p> <p>Толмач уверял царского офицера, что «пророк говорит тем языком, на котором говорят угодники в Магометовом раю». С. 71.</p>

Как мы видим, между приведёнными фрагментами обнаруживаются буквально дословные совпадения.

Кроме того, роман полон описаний обычаев тех стран, куда судьба заносит героя. В басне также присутствует сходное описание:

<p>«Непостоянная фортуна». Ч. 1. (СПб.,1763)</p>	<p>«Щ а с т и е и Р а з у м » // Нравоучительные басни Фёдора Эмина» (СПб., 1764)</p>
<p>«В Лиссабоне такой обычай, что если кто из мужчин при людях скажет какой-либо девице, что я тебя люблю, хотя бы то было для одной шутки говорено, то он неотменно должен на оной жениться». С. 64.</p>	<p>«...в Африке не может жених прежде совершения брака разговаривать с своею невестою, ниже оной видеть...» С. 72.</p>

Подобные заметки вводились, чтобы заинтересовать читателя и расширить его кругозор.

Таким образом, мы видим, что Эмин учитывал свой опыт романиста при написании басен и мог вплетать элементы авантюрного повествования в нравоучительное сочинение, делая его более привлекательным для публики. Весь сборник в целом отличается стремлением автора не только донести до читателя мораль, но и развлечь его. Судя по тому, что басни имели большой успех и дважды переиздавались (в 1789 и 1793 гг.)¹⁵⁰, Эмин смог верно понять потребности массового читателя XVIII века.

Однако переключки романа Эмина с «Нравоучительными баснями» не ограничиваются только басней «Щастие и Разум». Приведём ещё примеры.

В Лиссабоне служанка хозяина дома, где остановился Мирамонд, задумала женить его на себе, воспользовавшись тем, что юноша плохо знает язык и не знаком с обычаями страны. В качестве свидетелей сговора она позвала Патера и Художника. «Та девка, на которой он <Мирамонд>, ничего не зная,

¹⁵⁰ Примечательно, что напечатанные годом ранее «Новые нравоучительные басни» В. Т. Золотниченко, которые были гораздо более сухими и строгими, не переиздавались ни разу.

был сговорен, весьма лицом была гадка»¹⁵¹. В басне «Устерс и улитка» мы находим схожие элементы сюжета. Сатир, которого герои басни попросили быть дружкой на свадьбе оказался именно художником, а невеста после венчания стала казаться устерсу «гадкой лицом».¹⁵²

В той же басне вновь обнаруживаем эпизод описания местного обычая, сопоставимый с аналогичным эпизодом романа:

<p>«Непостоянная fortuna». Ч. 1. (СПб., 1763)</p>	<p>Басня 8. «Устерс и улитка» // «Нравоучительные басни Фёдора Эмина» (СПб., 1764)</p>
<p>(В Лиссабоне Мирамонд чуть было не женится) «Майстро Мирамонд, говорил Патер, если то подлинно, то завтра приезжайте в нашу церковь, хотя вы и Англинского закона [ибо он его за Англичанина признавал] однако, если нашего исповедания девицу в супружество берёте, то в нашей церкви венчаться должны». С. 69.</p>	<p>(Устерс предлагает улитке пойти к Нептуну, чтобы обвенчаться). «Нет, устерс, сказала улитка, у нас жених венчается в храме, посвящённом тому богу, которому девица поклоняется». С. 19.</p>

Эмин стремился не только развлечь читателя и расширить его представления о дальних странах, но и преподать ему полезные жизненные уроки. При этом, он не ограничился лишь декларированием этой установки в предисловиях к романам (об этом речь шла в первой главе данной работы) – в самих текстах чётко прослеживается авторская дидактическая интенция. Не случайно в «Непостоянной фортуне» то и дело встречаются советы и предостережения в виде сентенций. Например: «Никогда нам при наших предприятиях торжествовать не надобно, покамест благополучного

¹⁵¹ Эмин Ф. А. Непостоянная fortuna... СПб., 1781. С. 70.

¹⁵² Эмин Ф. А. Нравоучительные басни... С. 20.

окончания не достигнем»¹⁵³ Или: «И на каторге бесполезно иметь приятеля. Милее нам друг в нещастии, нежели отец в благополучии»¹⁵⁴. А также: «Много таких на свете, кои под видом друга наиопаснейшими неприятелями бывают»¹⁵⁵. И так далее. Как мы видим, в романе присутствует отчётливый нравоучительный элемент. Возможно, как раз это, дидактическое начало и сделало роман столь привлекательным в глазах Эмина.

С одной стороны, насыщая романы дидактическими рассуждениями, Эмин, со стороны другой, вносил в произведения прямо дидактической направленности романские элементы. Противоположные стратегии в конечном счете подчинялись одним и тем же конечным целям, выполняли интегрирующую функцию, объединяя сочинения разной природы, позволяя выразиться в них единому авторскому самосознанию.

«Нравоучительные басни» и «Адская почта»

Теперь обратимся к сатирическому журналу «Адская почта». Он выходил ежемесячно с июля по декабрь¹⁵⁶ 1769 г. – в разгар журнальной полемики того времени. В 1788 и 1791 гг. «Адская почта» была переиздана П. И. Богдановичем под названием «Курьер из ада с письмами».

В отличие от басен Эмина, его издательская деятельность вызывала большой исследовательский интерес. Пожалуй, после романов «Адская почта» – это наиболее известное и изучаемое произведение этого автора¹⁵⁷. Уже во второй половине XIX в. начинают появляться работы, в которых

---

¹⁵³ Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна... СПб., 1781. С. 18.

¹⁵⁴ Там же. С. 25.

¹⁵⁵ Там же. С. 54.

¹⁵⁶ Декабрьский выпуск был опубликован в январе 1770 г., уже после смерти Эмина

¹⁵⁷ Показательно, что в 2013 г. вышло научное издание «Адской почты» с обширным комментарием – больше ни одно из произведений Эмина не было так переиздано.

Эмин Ф. Адская почта или Переписки хромоногого беса с кривым / Текст подготовил и комментарии составил В. Д. Рак. СПб., 2013.

предпринимаются попытки оценить роль «Адской почты» в истории сатирической журналистики и мастерство Эмина как сатирика.

Так, например, А. Н. Афанасьев в книге «Русские сатирические журналы 1769–1774 годов» впервые очерчивает круг проблем, поднятых Эминым в журнале: «Содержание “Адской почты” составляют остроумные, но несколько грубые и двусмысленные нападки на частные случаи безнравственности, на волокит, женщин лёгкого поведения, иезуитов и отчасти на судей»¹⁵⁸. При этом Афанасьев не скрывает, того, что он невысоко оценивает сатирический талант Эмина, и даже приводит аргументацию: «Сатира Эмина отзывается общими местами; слог отличается многословием и отсутствием той энергии, какую дышит язык новиковских изданий. В “Почте” заметны следы явного подражания иностранным изданиям, и вообще она лишена одного и главных достоинств хорошего журнала – духа народности»¹⁵⁹. Об отсутствии «широкого, народного взгляда» в журнале Эмина писал и Н. Н. Булич¹⁶⁰. В оторванности от русской жизни обвинял Эмина Л. Н. Майков: «Чтобы быть хорошим сатириком, Эмину недоставало не только таланта, но и знания русской жизни; отсутствие знакомства с нею характеризует “Адскую почту”. Немногие яркие черты его сатиры состоят из тех наблюдений, которые он мог сделать в столичном обществе; таковы в особенности рассказы его о петиметрах и о влиянии французских воспитателей на русскую молодёжь»¹⁶¹.

В статье из словаря Брокгауза и Ефрона определяется принципиальная позиция Эмина как сатирика: «В известной полемике “Всякой всячины” с “Трутнем” Новикова о значении сатиры он примкнул к Новикову, обличавшему не пороки вообще, а очень определённо указывавшему на

---

¹⁵⁸ Афанасьев А. Н. Русские сатирические журналы 1769–1774 годов: Эпизод из истории русской литературы прошлого века. М., 1859. С. 17.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854. С. 248.

¹⁶¹ Майков Л. Н. «Сон» Ф. А. Эмина // Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 324.

недостатки современников». Здесь же впервые очерчивается круг тем, которые поднимались в «Адской почте». По мнению автора статьи, это журнал «о семейных нравах, щегольстве, подражании иностранцам, воспитании, суде, хищениях, недостатке духовности, крепостном праве»¹⁶². В последующих исследованиях эти факты лишь подтверждались и рассматривались подробнее.

Г. А. Гуковский, изучая взаимоотношения двух литературных противников – Ф. А. Эмина и А. П. Сумарокова – замечал, что именно в «Адской почте» Эмин «в особенности ярко развернул сатиру “на лицо”»¹⁶³. Этим «лицом» из-за резкого расхождения во взглядах на сатиру и литературу вообще часто оказывался именно Сумароков, хотя установлено, что в переписке бесов есть также намёки на полемику с В. И. Лукиным, М. Д. Чулковым, В. Г. Рубаном, М. М. Херасковым, М. М. Щербатовым и В. П. Петровым¹⁶⁴.

Наиболее подробное и многоплановое исследование «Адской почты» в середине XX века предпринял П. Н. Берков. Именно он установил большинство прототипов персонажей в журнале Эмина, а также проанализировал структуру издания. Результаты этой работы вошли в книгу Беркова «История русской журналистики XVIII века». П. Н. Берков обращал внимание на то, что журнал Эмина был в оппозиции ко «Всякой всячине» (два выпуска журнала даже отрываются письмами к Г-же Всякой всячине), но в то же время отличался проблематикой и от журналов, близких ему по характеру сатиры. «Её <“Адской почты”> спецификой было именно осмеяние конкретных носителей самых разнообразных “пороков” высшего и, вероятно, среднего общества тех лет, тогда как “Трутень” и “Смесь” касались основных, существеннейших и социально важнейших пороков

---

¹⁶² Лященко А. И. Эмин (Фёдор Александрович) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. Т. 40. СПб., 1904. С. 764.

¹⁶³ Гуковский Г. А. Эмин и Сумароков // XVIII век. Вып. 2. М.; Л., 1940. С. 85.

¹⁶⁴ Степанов В. П. Эмин Фёдор Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 449.

крепостнического строя»,¹⁶⁵ – писал он об этом, а также называл «Адскую почту» скорее не сатирой, а «хроникой скандалов»¹⁶⁶. Кроме того, исследователь описал историю издания журнала и сделал предположения о цензурных запретах, которые могли коснуться августовского выпуска «Адской почты»¹⁶⁷.

В последние годы изучением журнала Эмина активно занимался В. Д. Рак. Он подготовил научное издание «Адской почты», снабдив его подробными комментариями и вступительной статьёй. Кроме того, в издании есть раздел, в котором указаны соответствия между отдельными письмами «Адской почты» и памфлетами Э. Ленобля. Отдельно этой теме посвящена статья В. Д. Рака «“Адская почта” и её французский источник»¹⁶⁸. В этой работе исследователь приходит к выводам, что у журнала было несколько источников и в первую очередь – памфлеты Э. Ленобля (1708), написанные в форме разговоров между Хромым и Кривым бесами, гуляющими по Парижу. В свою очередь эти памфлеты восходят к роману А.-Р. Лесажа «Хромой бес» (1707). Однако материал французских памфлетов был настолько переработан Эминым, что «Адская почта» безусловно является оригинальным произведением, которое В. Д. Рак сравнивает со «сложной амальгамой», сочетающей в разных комбинациях собственный текст Эмина и различные отрывки, детали и реминисценции французских памфлетов¹⁶⁹. В другой статье исследователь вновь обращается к проблеме источников и связывает «Адскую почту» с «Философскими письмами» Вольтера¹⁷⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что исследователей в связи с журналом Эмина интересовал такой круг проблем: место «Адской почты» в

---

¹⁶⁵ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 263.

¹⁶⁶ Там же. С. 262.

¹⁶⁷ Там же. С. 260.

¹⁶⁸ Рак В. Д. «“Адская почта” и её французский источник // XVIII век. Вып. 15. Л., 1986. С. 169–197.

¹⁶⁹ Рак В. Д. Ф. А. Эмин и его журнал «Адская почта» // Эмин Ф. А. Адская почта. СПб., 2013. С. 17–18.

¹⁷⁰ Рак В. Д. Ф. А. Эмин и Вольтер // «XVIII век». Вып. 21. СПб., 1999. С. 151–161.

ряду других журналов XVIII в., взгляды автора на сатиру, структура издания и обстоятельства его выхода в печать. Кроме того, два более специфических вопроса: о реальных прототипах тех героев, которых изображал Эмин, и об иностранных источниках журнала.

Мы видим, что, как и в случае с баснями, журнал рассматривался в сугубо жанровом контексте, но не в контексте творчества самого Эмина. Хотя нужно отметить, что некоторые исследователи ставили «Адскую почту» в один ряд с другими его сатирическими произведениями. В данном случае речь идёт уже не о жанре, а скорее о прагматике этих текстов, о том, какие цели преследовал их автор. И именно в этом аспекте впервые в работах исследователей сближаются «Басни» и «Адская почта». Так, А. И. Лященко писал: «К сатирическим произведениям Эмина относятся его своеобразные “Нравоучительные басни”, “Сон, виденный в 1765 г. 1 января” (направленный против Академии наук, Академии художеств и Шляхетского корпуса), неизданная доселе комедия “Учёная шайка”, ряд эпиграмм и полемических стихотворений...»¹⁷¹. Однако, например, И. З. Серман не упоминает басни Эмина, говоря о его сатирическом творчестве: «Тяготевший к сатире с самого начала своей литературной работы, Эмин только в “Адской почте” с блеском проявил свое сатирическое дарование, первой пробой которого была “Ученая шайка”»¹⁷². Между тем, «Нравоучительные басни» (1764) – это более ранний текст Эмина, чем «Учёная шайка» (1767)¹⁷³ и именно с него, по всей видимости, следует отсчитывать становление Эмина-сатирика. В отличие от «Сна», сатира в котором направлена против сотрудников конкретных учреждений, и «Учёной шайки», в которой под вымышленными именами выведены конкретные люди (А. П. Сумароков, И. Л. Голенищев-Кутузов, Н. Г. Курганов и др.), в «Адской почте» гораздо сложнее установить адресатов сатиры. Несмотря на проделанную П. Н. Берковым работу, для

---

¹⁷¹ Лященко А. И. Указ. соч. С. 764.

¹⁷² Серман И. З. Из истории литературной борьбы XVIII века (Неизданная комедия Фёдора Эмина «Учёная шайка») // XVIII век. Вып. 3. М.; Л., 1958. С. 225.

¹⁷³ Датировка, предложенная И. З. Серманом в указанной статье.

современного читателя большинство героев бесовских писем остаётся неузнаваемыми. Он обнаружил около двенадцати прототипов персонажей журнала, среди которых, например, писатели: М. Д. Чулков, М. М. Херасков, А. П. Сумароков, историк М. М. Щербатов и шут императрицы Л. А. Нарышкин. Практически половина писем (65 из 112), как установил В. Д. Рак, имеет частичные соответствия с памфлетами Ленобля. Иногда Эмин заимствует из них сюжеты, ситуации и персонажей. Таким образом, сатира Эмина оказывается не во всех случаях направлена на конкретное лицо – на его современника. Об этом же, обращаясь к «Г-же Всякой Всячине», пишет и сам автор, выступающий в «Адской почте» в качестве издателя переписки бесов: «Бесы, сколько мне понятно, описывают вообще пороки и разные злоупотребления; если же кто себя в оных сыщёт, то виноват порочный, а не бесы»¹⁷⁴. Супружеские измены, неравные браки, лесть, взяточничество, скупость – этот же круг проблем мы находим и в сборнике «Нравоучительные басни», хотя степень отвлечённости в нём, конечно же, гораздо более сильная.

Герои басен – животные, люди, аллегии, предметы, мифологические персонажи. Это абстрактные носители неких пороков и качеств, но и герои переписки Хромононого беса с Кривым также представляют собой определённые пороки. Характер этих персонажей не раскрывается, они обладают либо одной отрицательной чертой, либо несколькими, и в их поведении проявляются только эти свойства.

Итак, существуют некоторые предпосылки для того, чтобы сопоставить два столь различных, казалось бы, произведения Эмина.

«Адская почта» представляет собой, как и следует из названия, переписку Хромононого беса с Кривым. Всего в шести выпусках журнала 112 писем, преимущественно довольно коротких (1-5 страниц). В письмах бесы, как правило, сообщают друг другу всевозможные истории, напоминающие анекдоты. Герои этих историй носят условные имена (Флоринда, Арсена,

---

¹⁷⁴ Эмин Ф. Адская почта или Переписки хромононого беса с кривым. СПб., 2013. С. 96 – 97.

Елиодор, Люций, Сильвия), названы по роду занятий, титулу, национальной принадлежности с условными инициалами или без (офицер, канцелярист, француз, барон Т., граф П.), реже имеют говорящие имена (Кривомысл, Добросоветов, Славнокрадов). Каждый сюжет связан с каким-либо пороком: глупостью, скупостью, супружеской неверностью, неблагодарностью. Один из корреспондентов в ответном письме может каким-то образом реагировать на ту историю, которую ему послали, а может просто сразу написать свою, никак не связанную с предыдущей. Таким образом, «Адская почта» в своей основной части напоминает скорее сборник анекдотов или коротких новелл, не связанных друг с другом, что опять же роднит её с «Нравоучительными баснями». Помимо самой переписки бесов, в «Адской почте» есть два обращения издателя к «Г-же Всякой всячине» и его же обращение к читателю, письмо от «доброжелателя Правдолбова» и ответ издателя на это письмо, а также самое последнее письмо в журнале – от обоих бесов к издателю. Кроме того, в конце четырёх выпусков из шести присутствует особый раздел – «Ведомости из ада», в котором, как правило, иносказательно пересказываются актуальные зарубежные новости. Этим исчерпывается композиционное разнообразие журнала, в нём нет даже традиционного раздела с поэзией.

Таким образом, мы имеем, условно говоря, два сборника, состоящих из коротких нравоучительных историй. Однако не только это сближает «Нравоучительные басни» и «Адскую почту». В них Эмин варьирует одни и те же темы, мотивы приёмы и персонажей.

В «Адской почте» бесы не только наблюдают за людьми и обсуждают их между собой, но и периодически вступают с ними в контакт (приходят на обед, в театр, дают советы, общаются с издателем их писем). Для описания подземного мира «Ведомостей из ада» Эмин использует топонимы греко-римской мифологии (Тартар, река плача Коцит, река Ахерон). Это пространство населяют мифологические персонажи и черти, которые при этом ведут себя как современники автора. Так, например, Харон называется

интендантом и его превосходительством, а у «её адской светлости» Прозерпины есть собственные статс-дамы. И если сама ситуация общения Хромононого беса с Кривым взяты у Ленобля¹⁷⁵, то всё остальное – это нововведения самого Эмина. В то же время в сборнике 1764 г. есть несколько басен, в которых в качестве главных или второстепенных героев наряду с людьми, животными, предметами и аллегориями выступают черти. Это, например, басни: «Чёрт и старуха», «Черт, сатана и целовальник», «Дружество, любовь и политика» (один из персонажей – сатана). В басне «Меланколия и Гипокондрия» говорится о том, что Гипокондрия «может лечить людей, зверей и даже чертей»¹⁷⁶. Показательно это перечисление: то есть черти в мире басен – это герои, которые существуют наравне с людьми и животными. Также и в «Адской почте» inferнальные существа живут рядом с людьми и вступают с ними в контакт. В басне «Палач, Алгвазил и Баржелл» упоминаются слова «чёрт», «ад», «дьявол» в тех случаях, когда герой использует в речи сравнение. Сначала мясник, отец героини, обращается к Алгвазилу с такими словами: «Сам рассуди, коль честно быть во аде первым чёртом или над разбойниками атаманом» (с. 217), а в конце булочник уличает самого мясника в нечестности и говорит ему: «И так я тебе советую выдать дочерей своих за подобных тебе людей, и тогда все скажут, что чёрт на дьяволе женился» (с. 218). В двух случаях слово «чёрт» появляется в басенной морали. Это басни «Волк, Скупец и Ехидна» («Скупой поймал змея, а скупого чёрт» (с. 157)) и «Собаки и овечка» («Есть и на чёрта гром, который его убивает» (с. 216)). Таким образом, появление или упоминание чертей и сатаны в баснях связано с темами хитрости, ловкости, вредительства и ложной неуязвимости.

Герои греческой и римской мифологии также очень часто появляются на страницах «Нравоучительных басен» и ведут себя как современники Эмина. Так, например, Марс называется «солдатом», «военным человеком» и после

---

¹⁷⁵ Рак В. Д. «Адская почта» и её французский источник // XVIII век. Вып. 15. Л., 1986. С. 169–197.

¹⁷⁶ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. СПб., 1764. С 208. Далее ссылки на страницы этого издания будут даны в тексте.

встреч с Венерой должен возвращаться в лагерь (с. 125), Меркурий постоянно жеманится (с. 206), Сатир назначает помощником друга Фавна (с. 234–235), а Фавн носит судейский парик (с. 213).

Важным при сопоставлении басен и «Адской почты» оказывается также то, что между отдельными текстами внутри них возникают тематические и даже сюжетные параллели. Приведём лишь несколько наиболее ярких примеров.

Одной из общих тем становится тема невежества и не порядочности врачей. В сборнике Эмина есть басня под названием «Лекарь и ученик» (с. 226–229), в ней ученик лекаря обличает своего учителя в том, что тот лечит всех без разбору одним и тем же лекарством и берёт за это деньги, а значит, ничем не отличается от шарлатана, продающего на площади поддельное лекарство «которым можно исцелять и лечить все болезни».

В письме 13 «Адской почты» Хромоногий бес рассказывает Кривому о том, как видел в театре «лекаря, все порчи лечить умеющего» и о том, что знакомый юноша его предупредил, что тот лекарь «великий невежа, но ещё больше того хвастун»¹⁷⁷. Речь о невежественном докторе вновь заходит в письме 22 (от Кривого беса Хромоногому), но этот персонаж, в отличие от предыдущего опасен тем, что не признаёт новых методов в медицине и «в состоянии лучше сорок человек уморить старым способом лечения, нежели новым вылечить одного»¹⁷⁸.

Тема связи политики и лукавства также обнаруживается в обоих произведениях. В басне «Дружество, любовь и политика»¹⁷⁹ аллегории Дружество и Любовь оказываются схвачены Лукавством (отпрыском Сатаны), а после этого Лукавство начинает называть себя Политикой. Мораль басни такова: «Как лукавство переименовалось политикою, то любовь и

---

¹⁷⁷ Эмин Ф. Адская почта или Переписки хромоногого беса с кривым. СПб., 2013. С. 74.

¹⁷⁸ Там же. С. 113–114.

¹⁷⁹ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. С. 161–164.

дружество силу свою утратили». В письме 12 Хромоногий бес прямо называет лукавство родней политики¹⁸⁰.

Значительное место занимает в «Адской почте» тема неравных браков, супружеской неверности и ревности (поднимается в 33 письмах). Среди басен Эмина есть 15 с сюжетами, так или иначе связанными с семейно-брачными отношениями. Примечательно, что подобная тематика в целом не очень популярна в рамках жанра басни. В наиболее близком по времени и форме к сборнику Эмина – прозаическом сборнике «Новые нравоучительные басни» В. Т. Золотницкого (1763 г.) нет басен, в которых бы речь шла о семейных отношениях, а в также прозаическом переводе Фонвизина басен Гольберга (1761 г.) таких текстов только 6 из 225.

Но вернёмся к сборнику Эмина. Например, мораль басни «Муж женат на знатной госпоже»¹⁸¹ звучит так: «Естьли знатная женщина выходит за бедного, то единственно для того, чтоб мужа своего сделать покровом своих вольных забав». В Письме 108 в ответ на историю о муже и двух его жёнах Хромоногий бес замечает: «Надобно в свадьбах, любезный бес, наблюдать равенство, чтоб продолжение оных было счастливо», и затем продолжает: «Итак, чтоб свадьбы были удачливы, полезно не только в достатке и летах наблюдать некую равность, но иногда в достоинствах и знатности»¹⁸². В басне «Устерс и улитка»¹⁸³ также поднимается тема неудачного брака и даётся такая мораль: «Кто безрассудно женится, тот один только день жену любит, то есть тот день, в который играет свадьбу». При этом по сюжету до свадьбы герои друг друга очень любили и не замечали недостатков друг друга. Та же участь постигла и героев истории, рассказанной Хромоногим бесом в Письме 33. Ливий и Калиста, страстно любили друг друга, но после свадьбы оказалось, что Ливий не может содержать жену в роскоши, и она

---

¹⁸⁰ Эмин Ф. Адская почта. С. 67.

¹⁸¹ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. С. 248 – 249.

¹⁸² Эмин Ф. Адская почта. С. 368 – 369.

¹⁸³ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. С. 18 – 21.

сбежала от него к старому, богатому прокурору. В итоге жену всё же удалось вернуть мужу, но при условии, что он не будет против, чтобы и прокурор, и многие другие посещали их дом. Из всего этого бес делает такой вывод: «Вот друг, какие бывают следствия больше страстной, нежели разумной любви!»¹⁸⁴. Чуть ранее, в этом же письме находим фразу «Правду говорят некоторые господа авторы, что брак есть гроб любви»¹⁸⁵.

Подобные афористические высказывания не редкость на страницах «Адской почты». Зачастую они появляются в конце письма и подводят итог вышеизложенному или же возникают в начале ответных писем в качестве реакции на прочитанную историю. То есть резюмируют некий рассказ, чаще всего акцентируя внимание читателя на его основной теме. Это сближает подобные фразы с моралью в конце басен. Нужно отметить, что один такой случай был упомянут И. И. Афанасьевой. Исследовательница обратила внимание на то, что Письмо 25 августовского выпуска «Адской почты» имеет концовку «в форме басенной морали»¹⁸⁶, а именно: «Звери, если коза дикая оденется в кожу львову, дрожат не перед нею, но перед кожей»¹⁸⁷. Однако это далеко не единственный пример, поэтому приведём ещё несколько подобных случаев.

В Письме 26 речь шла о неправильном воспитании, когда мать сама совершала то, от чего дочь предостерегала¹⁸⁸. Ответное Письмо 27 начинается с таких слов Хромононого беса: «Дурной тот воспитатель, который больше словами, нежели примером доброй жизни детей воспитывает»¹⁸⁹. Схожую идею находим и в Письме 87: «Однако что в

---

¹⁸⁴ Эмин Ф. Адская почта. С. 140.

¹⁸⁵ Там же. С. 138.

¹⁸⁶ Афанасьева И. И. Тенденции к социальному обобщению действительности в «Адской почте» Ф. А. Эмина // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 4. Л., 1980. С. 154.

¹⁸⁷ Эмин Ф. А. «Адская почта, или Переписки хромононого беса с кривым». СПб., 1769. Август. С. 102.

¹⁸⁸ Там же. С. 120–122.

¹⁸⁹ Там же. С. 122.

нравоучении, когда учительской жизни пример оному не соответствует?»¹⁹⁰. А в басне «Земледелец и бродяга» эта же мысль звучит из уст Земледца: «надобно примером доброй и порядочной жизни научать, а не красноречием»¹⁹¹.

Буквально дословное совпадение обнаруживаем между моралью к басне «Птицелов и дрозд» («Кто для погибели другого яму роет, тот сам часто в оную попадает»¹⁹²) и концом Письма 92 («Но мне кажется, что небо, неправду его зрящее, ввергнет в яму несчастья того самого, кто оную для другого выкапывает»¹⁹³).

Письмо 94 завершается фразой «Худое воспитание толь человеческому роду вредно, что и острота разума оного преодолеть после не может»¹⁹⁴ – что тоже может быть воспринято как своеобразная мораль к истории о Горбатыниусе¹⁹⁵, который хорош в писательстве, но каждой встречной женщине тут же объявляет о своей любви и получает за это брань и пощёчины.

Наконец последний пример приведём из обращения «Издателя бесовских переписок» к читателю. В нём «Издатель» рассказывает о том, как встретил в трактире бесов, чьи письма затем будет доносить до публики. Завершают это обращение такие слова: «Гора с горою не сходится, а бес с бесом легко сойтися и сдружиться может»¹⁹⁶. Очень похожую фразу находим в морали к басне «Черт, сатана и целовальник»: «Чёрт с сатаною, а дурак с невежею

---

¹⁹⁰ Там же. С. 302.

¹⁹¹ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. С. 63.

¹⁹² Там же. С. 43.

¹⁹³ Эмин Ф. Адская почта. С. 312.

¹⁹⁴ Там же. С. 314.

¹⁹⁵ Прототипом Горбатыниуса, по предположению П. Н. Беркова, был шут Екатерины II, вельможа Лев Александрович Нарышкин (Рак В. Д. Комментарии // Эмин Ф. А. Адская почта. СПб., 2013. С. 455–456.)

¹⁹⁶ Там же. С. 27.

всегда знают, и из них никогда добра не будет, хотя бы они и на высокую степень достоинств вознесены были»¹⁹⁷.

Как представляется, данные примеры наглядно показывают, что между «Нравоучительными баснями» и «Адской почтой» есть много общего, как в тематическом, так и в композиционном плане. Форма коротких нравоучительных историй, объединённых в сборник, вероятно, была близка Эмину, поэтому дважды за время своего писательского пути – в начале и в конце – он обращался именно к этому способу подачи материала. Кроме того, подобная форма хорошо отвечала его установке на дидактику и в то же время позволяла развлекать читателя разнообразием тем и действующих лиц. В «Адской почте», спустя пять лет после выхода басен, Эмин вновь возвращается к использованию персонажей греко-римской мифологии, чертей и бесов. Круг тем в этих двух произведениях, если и не совпадает полностью (например, среди басен нет ни одной о галломании, а в журнале эта проблема поднимается постоянно), то в значительной мере пересекается. Как уже было сказано ранее, некоторые исследователи отказывали Эмину в сатирическом таланте, ссылаясь на то, что его сатире не хватает масштаба, что она направлена на очень частные и даже мелочные вопросы. Но для самого автора, по всей видимости, было важным обратить внимание именно на эти проблемы и именно такими средствами, причём, как мы видим, неоднократно. Между тем, Эмин, вероятно, стремился идти в ногу со временем и адаптировал свои сочинения под те формы, которые на тот момент были актуальны и новы – форму сборника прозаических басен, форму сатирического журнала.

---

¹⁹⁷ Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. С. 135 – 139.

Заключение

Вывод, который необходимо сделать, подводя итоги данной работы, заключается прежде всего в том, что, несмотря на внешнее разнообразие, творчество Ф. А. Эмина обладает некоторым внутренним единством. В нём отчётливо прослеживаются две тенденции: дидактическая и развлекательная, которые, вне зависимости от жанра конкретного произведения, соединяются внутри него. Одним из частных проявлений этого свойства творчества Эмина оказывается то, что, будучи в первую очередь романистом, он приспособивал данный опыт для своей дальнейшей литературной деятельности. Благодаря этому развлекательность произведений Эмина оказывается развлекательностью романного типа. Это мы наблюдаем и на примере «Нравоучительных басен», и в сатирическом журнале «Адская почта». Одновременно с этим, писатель неизменно стремился к нравоучению, видя в любой словесной деятельности прежде всего способ исправления нравов, что, в частности, сказалось в его романах. Роман, вопреки расхожему мнению современников, оказывается для Эмина не развращающим жанром, а жанром, способным вместить в себя и прямые назидания, и в равной мере положительные и отрицательные примеры поведения. Благодаря дидактике, проникающей в роман, у читателя остаётся возможность самостоятельно анализировать поступки героев и, исходя из здравого смысла, решать, что хорошо, а что плохо, т. е. воспитывать себя. Такие же примеры положительного и отрицательного поведения (хотя, безусловно, чаще отрицательного) Эмин даёт читателям басен и журнала, однако способ подачи в данном случае оказывается иной. Короткий занимательный нравоучительный рассказ становится продуктивной жанровой формой в творчестве Эмина, хорошо отвечая его авторским замыслам и реализуя в себе одновременно, в пределах одного текста, и дидактическую, и развлекательную функцию. Подобная позиция достаточно типична для XVIII столетия, но в России именно Эмин выразил её, вероятно, первым. Кроме того, нельзя не отметить и чёткую установку Ф. А. Эмина на злободневность. Он всегда оказывался в авангарде литературной жизни своей эпохи, участвуя

в процессе разработки актуальных на тот момент жанровых форм и типов литературы: романа, басни, сатирического журнала, что неизменно делало его произведения популярными среди читающей публики. Вероятно, по той же причине уже к концу XVIII века творчество Эмина стало казаться читателям неактуальным и недостойным серьёзного внимания.

Библиография

I. Источники

1. Бартеlemi Ж.–Ж. Любовь Кариты и Полидора / Перевел с франц. Денис Фонвизин. СПб., 1763. 147 с.
2. Басни, в стихах и прозе, выбранные из лучших писателей. М., 1788. 86 с.
3. Бидпай. Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского / Пер. Б. А. Волков. СПб., 1762. 280 с.
4. Ванька Каин / Сост, автор вступ. ст. и примеч. С. Ю. Баранов. М., 2008. 640 с.
5. Геллерт Х. Ф. Басни и сказки. СПб., 1788. 146 с.
6. Гольберг Л. Басни нравоучительные с изъяснениями господина барона Голберга / Пер. Д. И. Фонвизин. М., 1765. 225 с.
7. Гольберг Л. Басни нравоучительные с изъяснениями господина барона Голберга / Пер. Д. И. Фонвизин. М., 1787. 227 с.
8. Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1764. Сентябрь. С. 276.
9. Золотницкий В. Т. Новые нравоучительные басни, с прибавлением особливых к ним изъяснений. СПб., 1763. 143 с.
10. Карамзин Н. М. Рыцарь нашего времени // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2. т. Т. 1. М., 1964. С. 755–782.
11. Курганов Н. Г. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия. СПб., 1788. 312 с.
12. Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей. СПб., 1769. 424 с.
13. Левшин В. А. Нравоучительныя басни и притчи М., 1787. 97 с.
14. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 222–223.
15. Майков В. И. Нравоучительные басни. Ч. 1. М., 1766; Ч. 2. М., 1767.

16. Майков В. И. Нравоучительные басни. Ч. 1–2. М., 1788.
17. Мартиано Г. Безщастный Флоридор: История о принце ракалмуцком / Пер. с италианскаго на российской язык е. и. в. кабинет переводчик Федор Эмин. СПб., 1763. 325 с.
18. Мейснер А. Г. Собрание разных нравоучительных повествований и басен. М., 1788. 167 с.
19. Повести разумные и замысловатые / Сост, автор вступ. ст. и примеч. С. Ю. Баранов. М., 1989. 687 с.
20. Русская басня XVIII и XIX века / Отв. ред. Б. А. Градова. СПб., 2007. 1152 с.
21. Санкт-Петербургские ведомости. 1763 г. С. 534. 6 июня.
22. Санкт-Петербургские ведомости. 1788 г. С. 1271. 31 октября.
23. Сумароков А. П. О чтении романов // Трудолобивая пчела. СПб., 1759. Июнь. С. 374.
24. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе: В 10 т. / Собраны и изданы Н. Новиковым. Ч. 5. М., 1781. С. 187.
25. Сумароков А. П. Притчи Александра Сумарокова. Кн. 1–2. СПб., 1762.
26. Сумароков А. П. Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. СПб., 1769.
27. Филдинг С. Сирота аглинская, или история о Шарлотте Суммерс / Перевел с франц. Е. Харламов. Т. I–IV. СПб., 1763.
28. Фонвизин Д. И. Басни нравоучительные Голберга // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 263–411.
29. Херасков М. М. О чтении книг // Полезное увеселение. М., 1760. Январь. № 1. С. 3–8.
30. Херасков М. М. Нравоучительные басни. Ч. 1–2. М., 1764.
31. Шансьерж. Похождение Неоптолема сына Ахиллесова / Перевел с франц. Александр Храповицкой. СПб., 1762. 345 с.
32. Эзоп. Эзоповы басни с нравоучениями и примечаниями Рожена Летранжа / Пер. С. С. Волчков. СПб., 1747. 517 с.

33. Эмин Ф. А. Адская почта, или Переписки хромононого беса с кривым. Июль–декабрь. СПб., 1769. 306 с.
34. Эмин Ф. А. Адская почта, или Переписки хромононого беса с кривым. СПб., 2013. 480 с.
35. Эмин Ф. А. Горестная любовь маркиза де Толедо. СПб., 1764. 376 с.
36. Эмин Ф. А. Курьер из ада с письмами. СПб., 1788. 243 с.
37. Эмин Ф. А. Любовный вертоград, или Непреоборимое постоянство Камбера и Арисены СПб., 1763. 295 с.
38. Эмин. Ф. А. Награждённая постоянность, или приключения Лизарка и Сарманды СПб., 1764. 327 с.
39. Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда. Ч. 1–3. СПб., 1763.
40. Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда. Ч. 1–3 / Изд. 2-е. М., 1781.
41. Эмин Ф. А. Нравоучительные басни Фёдора Эмина. СПб., 1764. 316 с.
42. Эмин Ф. А. Нравоучительные басни Фёдора Эмина / Изд. 2-е. СПб., 1789. 196 с.
43. Эмин Ф. А. Нравоучительные басни Фёдора Эмина / Изд. 3-е. СПб., 1793. 196 с.
44. Эмин Ф. А. Письма Ернеста и Доравры. Ч. 1–4. СПб., 1766.
45. Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном своим разговоры; постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей. СПб., 1763. 360 с.
46. Эмин Ф. А. Приключение Фемистокла... / Изд. 2-е. М., 1781. 268 с.
47. Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей. Т. 1–3. СПб., 1767–1769.

II. Научная литература

48. Автухович Т. Е. Риторика. Жизнь. Литература: Исследования по истории русской литературы XVIII века. Минск, 2015. С 257. 411 с.
49. Автухович Т. Е. Риторика и русский роман XVIII в. Взаимодействие в начальный период формирования жанра. Гродно, 1995. 185 с.
50. Автухович Т. Е. Функции экфрасиса в романе Ф.А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 15. СПб.; Самара, 2011. С. 232–239.
51. Алпатова Т. А. Проблема трансформации индивидуальной биографии в художественное повествование (Роман Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирмонда») // Вестник Московского областного университета. М., 2012. С. 83–90.
52. Арзуманова М. А. Новое о Ф. А. Эмине // Русская литература. 1961. № 1. С. 113–126.
53. Аскоченский В. Эмин Фёдор Александрович // Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. Ч. 2. Киев, 1856. С. 212–216.
54. Афанасьев А. Н. Русские сатирические журналы 1769–1774 годов: Эпизод из истории русской литературы прошлого века. М., 1859. С. 17–19.
55. Афанасьева И. И. Тенденции к социальному обобщению действительности в «Адской почте» Ф. А. Эмина // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 4. Л., 1980. С. 152–155.
56. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 258–265.
57. Баранов С. Ю. Популярная проза XVIII века // Повести разумные и замысловатые. М., 1989. С. 3–28.
58. Бешенковский Е. Б. Жизнь Фёдора Эмина // «XVIII век». Вып. 11. Л., 1976. С. 186–203.
59. Бешенковский Е. Б. «История» Фёдора Эмина // История и историки: Историографический ежегодник 1972. М., 1973. С. 272–289.

60. Билинкис М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995.
61. Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854.
62. Бухаркин П. Е. Литературная позиция М. В. Ломоносова // Русская литература. М., 2011. № 1. С. 24–38.
63. Бухаркин П. Е. Литературное движение середины 1730-х – второй половины 1760-х гг. // Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы). СПб., 2013. С. 213–292.
64. Бухаркин П. Е. М. В. Ломоносов: позиция в культуре и поэтическое слово // Ломоносов. Сборник статей и материалов. – СПб., 2011. С. 106–119.
65. Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой. Т. 1. Отдел 2. СПб., 1894. С. 161, 245–247.
66. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. М., 1971. 283 с.
67. Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. С. 219–220.
68. Гуковский Г. А. Эмин и Сумароков // «XVIII век». Вып. 2. М.; Л., 1940. С. 77–94.
69. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 153–158; 194–195.
70. Западов А. В. Эмин // История русской литературы: В 10 т. Т. 4. Ч. 2. / под ред. Г. А. Гуковского и В. А. Десницкого. М.; Л., 1947. С. 256–265.
71. Кнабе Г. С. Русская античность. М., 2000. 238 с.
72. Курганов Е. Я. Анекдот как жанр русской словесности. М., 2014. 264 с.
73. Лебедева О. Б. Жанровые модели романа-путешествия и романа-воспитания чувств в творчестве Ф. А. Эмина // Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII в. М., 2000. С. 216–220.
74. Лонгинов М. Н. Ф. А. Эмин // Русская старина. 1873. № 5. С. 616–619.
75. Лотман Ю. М. Пути развития русской просветительской прозы XVIII в. // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–

- 1993): История русской прозы. Теория литературы. СПб., 1997. С. 176–197.
76. Лященко А. И. К истории русского романа. Публицистический элемент в романах Ф. А. Эмина. СПб., 1898. 47 с.
77. Максимов Д. Е. Брюсов: Поэзия и позиция. Л., 1969. 240 с.
78. Малек Э. «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков. Варшава; Лодзь, 1999 г. 124 с.
79. Майков Л. Н. «Сон» Ф. А. Эмина // Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 323–341.
80. Мечникова Е. На заре русского романа // Голос минувшего. 1914. С. 8–25.
81. Мордовцов Д. Л. Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности // Русское слово. 1860. №2. С. 355–362.
82. Налётова Т. Б. Литературная позиция как литературоведческий термин // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Т. 21. Кострома, 2015. № 4. С. 111–115.
83. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Ох! Басни – смерть моя! Насмешки вечные над львами! Над орлами!» (История и теория русской басни XVII–XVIII веков) // Русская басня. История и теория жанра. Сборник научных статей. М., 2007. С. 3–107.
84. Петровский Н. М. «Адская почта» // Петровский Н. М. Библиографические заметки о русских журналах XVIII века. СПб., 1907. С. 8–11.
85. Пигарев К. В. Глава третья // История русской литературы: в 3 т. Т. 1 / гл. ред. Д. Д. Благой. М.; Л., 1958. С. 482–509.
86. Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. 4. СПб., 1899. С. 212.
87. Рак В. Д. «Адская почта» и её французский источник // «XVIII век». Вып. 15. Л., 1986. С. 169–197.
88. Рак В. Д. Ф. А. Эмин и Вольтер // «XVIII век». Вып. 21. СПб., 1999. С. 151–161.

89. Рак В. Д. Ф. А. Эмин и его журнал «Адская почта» // Эмин Ф. А. Адская почта. СПб., 2013. С. 17–18.
90. Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М, 1982. С. 185–208.
91. Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769–1774 гг.: разыскания об издателях и их сотрудниках // Приложение к журналу «Русский библиофил». СПб., 1914.
92. Семенников В. П. Ф. А. Эмин // Семенников В. П. Материалы для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914. С. 138–140.
93. Серман И. З. Из литературной борьбы 60-х гг. XVIII века (Неизданная комедия Фёдора Эмина «Учёная шайка») // «XVIII век». Вып. 3. М.; Л., 1958. С. 207–225
94. Серман И. З. Литературная позиция Державина // «XVIII век: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века». Вып. 8. Л., 1969. С. 41–53;
95. Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. С. 188–226.
96. Серман И. З. Становление и развитие романа в русской литературе середины XVIII века // Из истории русских литературных отношений XVIII–XIX веков. М.; Л., 1959. С. 84–95.
97. Сиповский В. В. Ф. Эмин, «Непостоянная Фортуна» // Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 1 (XVIII век). СПб., 1909. С. 649–670.
98. Сиповский В. В. Псевдоклассический роман типа «Телемак» (Ф. Эмин «Приключения Фемистокла») // Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1909. С. 393–406.
99. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892. 498 с.
100. Стенник Ю. В., Степанов В. П. Литературно-общественное движение конца 1760-х – 1780-х годов // История русской литературы: в 4 т. Т. 1 / гл. ред. Н. И. Пруцков. Л., 1980. С. 575–597.

101. Степанов Н. Л. Просветительский реализм // Развитие реализма в русской литературе. Т. 1. М., 1972. С. 61–100.
102. Строев А. Ф. Авантюристы Просвещения: «Те, кто поправляет фортуна». М., 1998. 400 с.
103. Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова // «Литературное наследство». Т. 43/44. М., 1941. С. 3–82.
104. Шамрай Д. Д. К истории цензурного режима Екатерины II XVIII век, Вып. 3, М.; Л., 1958. С. 17–206.
105. Шамрай Д. Д. Ф. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова // XVIII век. Вып. 3. М.; Л., 1958. С. 471–473.
106. Шамрай Д. Д. Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса // «XVIII век». Вып. 2. М.: Л., 1940. С. 293–329.
107. Феррацци М. «Письма Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина и «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо: Подражание или самостоятельное произведение // «XVIII век». Вып. 21. СПб., 1999. С. 162–172.
108. Фраанье М. Г. Об одном источнике романа Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» // «XVIII век». Вып. 21. СПб., 1999. С. 173–176.
109. Budgen D.E. Fedor Emin and the beginning of the Russian Novel // Russian Literature in the age of Catherine the Great : a collection of essays by A.G. Cross; W.A. Meeuws. P. 67–95.
110. Gasperetti D. The Rise of the Russian Novel: Carnival, Stylization, and Mockery of the West. DeKalb, 1998. P. 11–71.
111. Imendörffer H. Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Teil 1. Wiesbaden, 1998. S. 389.

III. Словари и справочники

112. Болховитинов Е. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужеземцев, писавших в России. Ч. 1. М., 1845. С. 217–220.

113. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб.; М., 1882.
114. Гаспаров М. Л. Басня // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 2001. С. 73–74.
115. Карамзин Н. М. Пантеон российских авторов // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1964. С. 171, 218.
116. Кочеткова Н. Д. Богданович Пётр Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1988. С. 110–112.
117. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1962–1978.
118. Краткий словарь античности. М., 2001. 448 с.
119. Лященко А. И. Эмин (Фёдор Александрович) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. Т. 40. СПб., 1904. С. 763–764.
120. Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. М.; Л., 1951. С. 367–368.
121. Русско-европейские литературные связи. XVIII век. Энциклопедический словарь. СПб., 2008. 432 с.
122. Словарь Академии российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
123. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. СПб., 1995.
124. Степанов В. П. Эмин Фёдор Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 444–451.
125. Циммерман А. Эмин Фёдор Александрович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 24 / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. СПб., 1912. С. 228–230.
126. Подскарбий // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 47. СПб., 1898. С. 111.